

II.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Телеграфы и примѣненіе ихъ къ военному дѣлу, соч. генералъ-маіора С. С. Рехневскаго. — По поводу исторіи 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка. — Сказаніе нейтральнаго очевидца о германо-французской войнѣ 1870 — 1871 годовъ. (Статья вторая). Geschichte des deutsch-französischen-Krieges in den Jahren 1870 und 1871.

Телеграфы и примѣненіе ихъ къ военному дѣлу. Соч. профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба, генералъ-маіора С. С. Рехневскаго. Съ 270 рисунками въ текстъ. С.-Петербургъ, 1872 г.

Опытъ послѣднихъ войнъ ясно доказалъ всю важность примѣненія телеграфовъ къ военному дѣлу и огромное значеніе услугъ доставленныхъ телеграфами арміямъ. Поэтому ближайшее знакомство съ новымъ факторомъ военнаго дѣла въ высшей степени полезно для всякаго военнаго человѣка. Трудъ г. Рехневскаго даетъ полную возможность познакомиться съ теоріей и практикой телеграфнаго дѣла, представляя не только массу научныхъ данныхъ, изложенныхъ совершенно ясно, безъ малѣйшей сухости и педантизма, но и вполне интересное чтеніе для каждаго образованнаго человѣка.

Книга раздѣлена на три отдѣла: 1) оптическіе и акустическіе телеграфы, 2) электрическіе телеграфы и 3) военные телеграфы. Въ первыхъ двухъ отдѣлахъ авторъ сообщаетъ полныя свѣдѣнія объ устройствѣ телеграфовъ, ихъ исторію и постепенное развитіе; подробно разсматриваетъ силы, служащія источникомъ передачи свѣдѣній, и вообще раскрываетъ послѣдовательно передъ читателемъ теорію и практику телеграфнаго дѣла. Теорети-

ческое изложене въ изобиліи поддѣрпывается чертежами и схематическими изображеніями, облегчающими ясное пониманіе предмета.

Не имѣя возможности въ краткомъ обзорѣ познакомить читателей со свѣдѣніями, находящимися въ первыхъ двухъ отдѣлахъ, мы обратимъ вниманіе лишь на послѣдній, въ которомъ изложено устройство собственно военныхъ телеграфовъ.

Приступая къ описанію такнхъ телеграфовъ, авторъ предварительно сообщаетъ краткій очеркъ употребленія ихъ въ войнахъ послѣдняго времени, представляющій большой интересъ и выясняющій постепенное развитіе телеграфнаго дѣла въ Европѣ и за океаномъ.

Военныя дѣйствія, отъ которыхъ во все время зависѣли не только правильное развитіе, но и самое существованіе государствъ, всегда сосредоточивали на себѣ интересъ народовъ. Поэтому организація быстрой передачи извѣстій о дѣйствіяхъ армій, объ ихъ успѣхахъ и неудачахъ, издавна служила предметомъ попытокъ, производившихся въ разныхъ государствахъ Европы. Съ другой стороны, быстрота передачи свѣдѣній имѣетъ такое огромное вліяніе на самый ходъ военныхъ дѣйствій, что еще задолго до изобрѣтенія электричества по всехъ арміяхъ употреблялись разнаго рода сигналы (барабаны, трубы, пушечные выстрѣлы, флаги), имѣвшіе цѣлью быструю передачу приказаній и донесеній. Такимъ образомъ, первая попытка телеграфовъ были введены въ войскахъ собственно для боевыхъ потребностей армій или для сообщенія армій съ центромъ государства. Первые постоянныя телеграфныя линіи, построенныя во Франціи въ 1793 году, а впоследствии и въ другихъ государствахъ Европы, имѣли исключительно военное назначеніе. Наконецъ, флажная система свѣдѣній, достигшая громаднаго развитія во флотѣ, обязана имъ также потребностямъ военного времени. Но однихъ постоянныхъ линій недостаточно для военного времени, на томъ основаніи, что войска, часто измѣняя свое положеніе, прерываютъ связь между собою и съ базисомъ, и, слѣдовательно, нуждаются въ устройствѣ временныхъ телеграфовъ, представляющихъ возможность быстрого устройства линій и не менѣе быстрого ея уничтоженія, по минованіи надобности.

Первая попытка устройства правильнаго временнаго телеграфа сдѣлана была англичанами на Пиренейскомъ Полуостровѣ въ 1809 году, на торресь-недрасской укрѣпленной линіи, впереди Лиссабона. Линія эта тянулась отъ морского берега до рѣки Таго и заключала въ себѣ пять телеграфныхъ станцій, состоявшихъ изъ высокой

мачты съ перекладиной, въ которой подвѣшивались въ разномъ числѣ мѣшки съ сѣномъ или съ соломою.

Вмѣстѣ съ распространеніемъ въ Европѣ постоянныхъ оптическихъ телеграфныхъ линій, была заявлена мысль о необходимости устройства для военного времени особаго походнаго телеграфа, который могъ бы перевозиться за войсками. Такой походный оптический телеграфъ устроенъ былъ въ Австріи въ 1834 году; надъ нимъ производились обширные опыты въ окрестностяхъ Линца, которые, однако, не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ, вслѣдствіе чего мысль эта была оставлена и возродилась уже послѣ изобрѣтенія электрическихъ телеграфовъ, когда начался цѣлый рядъ попытокъ, приведшихъ походный телеграфъ къ тому виду, въ которомъ онъ находится нынѣ.

При усмиреніи индійскаго возстанія въ 1857 и 1858 годахъ, электрической телеграфъ употреблялся уже англичанами въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Телеграфныя линіи слѣдовали за всеми движеніями войскъ; весьма часто онѣ строились подъ огнемъ непріятеля и безпрестанно были разрушаемы канальерією сипаевъ; но все поврежденія въ нихъ тотчасъ же исправлялись и телеграфъ дѣйствовалъ безостановочно во время всей кампаніи. Особенности климата позволяли устраивать въ Индіи телеграфъ совершенно иначе, чѣмъ въ Европѣ. Въ Индіи, въ сухое время года, совсѣмъ не бываетъ дождей и большая часть растительности выжигается солнцемъ. Въ такихъ выжженныхъ мѣстахъ англичане клали телеграфную проволоку прямо на землю, безъ всякой изолировки, и только въ мѣстахъ, гдѣ сохранялась сырость и которые, вслѣдствіе того, были покрыты густою растительностью, проволока подвѣшивалась на шестахъ, да и то безъ изоляторовъ.

Считаемъ полезнымъ привести случай изъ этой войны, рассказанный авторомъ и показывающій, какъ важно, чтобы войска имѣли какой-нибудь общезвѣстный способъ передачи свѣдѣній, съ помощью котораго можно бы было импровизовать передачу въ исключительныхъ случаяхъ. Послѣ сраженія при Ченгуть 30-го іюня 1858 года, 600 англичанъ, съ 300 женщинъ и дѣтей, были заперты въ городѣ Лукновѣ, наполненномъ возмущившимися сипаями. Англичане собрались частью въ укрѣпленной наскоро резиденціи губернатора, частью въ находившемся по близости замкѣ Мучи-Баунъ, служившемъ для англичанъ складомъ всякаго рода военныхъ припасовъ. Губернаторъ Генри Лоренсъ нашелъ, что, при малочисленности защитниковъ, вѣтъ возможности держаться на обоихъ пунктахъ, и рѣшился сосредоточить

оборону въ резиденціи и взорвать замокъ. Но для исполненія этого плана надо было какъ-нибудь передать приказаніе губернатору коменданту замка; между тѣмъ, городъ былъ наполненъ непріятелями и пробраться кому-нибудь изъ резиденціи въ замокъ не было никакой возможности. Послѣ разныхъ неудачныхъ попытокъ, губернаторъ рѣшился устроить у себя телеграфъ, подобный телеграфу употреблявшемуся англичанами при оборонѣ Торресъ-Ведраса, въ надеждѣ, что всякому образованному англійскому офицеру долженъ быть извѣстенъ употреблявшійся тогда способъ передачи свѣдѣній. Надежда эта оказалась основательною: комендантъ замка понялъ приказаніе, и войска, въ полночь, совершенно неожиданно для инсургентовъ, приблизивъ счастливо до резиденціи, оставивъ въ пороховомъ магазинѣ зажженный фитиль, отъ котораго замокъ взлетѣлъ на воздухъ въ ту самую минуту, когда оставившіе его англичане входили въ резиденцію.

Пропустивъ описаніе употребленія телеграфовъ во время посточной войны, въ кампанію 1859 года и во время дѣйствій итальянскихъ войскъ въ средней и южной Италіи въ 1860—61 годахъ, какъ не представляющія большого интереса, мы остановимъ вниманіе читателей на междуособной американской войнѣ, въ теченіе которой телеграфы были впервые примѣнены въ громадныхъ размѣрахъ. Однихъ цифръ достаточно для подтвержденія сказаннаго: во время войны, только сѣверою арміею построено было болѣе 20,000 верстъ телеграфныхъ линий, стоившихъ, въ общей сложности, около 2½ миліоновъ долларовъ и передавшихъ до двухъ миліоновъ депешъ. Для завѣдыванія телеграфною частью устроенъ былъ особый корпусъ сигналистовъ, въ которомъ, къ концу кампаніи, считалось 200 офицеровъ съ соответственнымъ числомъ нижнихъ чиновъ; въ вестъ-пойнтской военной академіи открытъ былъ курсъ для теоретическаго и практическаго изученія сигналистике. Необычайное развитіе телеграфной передачи свѣдѣній объясняется отчасти продолжительностью войны, отчасти тѣмъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ почти всѣ линии принадлежать частнымъ лицамъ, изъ которыхъ многія не хотѣли уступить ихъ для цѣлей всеобщаго вѣдомства, такъ что послѣднему приходилось иногда строить свои линии рядомъ съ частными. Военно-телеграфная часть вовсе не была устроена въ сѣверо-американской арміи; поэтому и организація ея во время войны была самая разнообразная, причемъ прочность постройки линий прямо зависѣла отъ ея назначенія, т. е. отъ того, служила ли она для временной передачи свѣдѣній или устраивалась на болѣе продолжительное время. Къ концу кампаніи устроены были походные телеграфные паркы, состоявшіе изъ

повозокъ, на которыхъ возился весь матеріалъ для устройства линий въ 8—16 верстъ; при одной потамакской арміи было 30 такихъ повозокъ. Телеграфированіе почти вездѣ производилось посредствомъ аппаратовъ Морзе; при этомъ чаще всего употреблялись слуховые или говорливые аппараты, безъ часового механизма и безъ бумажной ленты. Аппараты были величиною въ ладонь и очень легко укладывались въ карманъ.

Въ теченіе продолжительной войны, американцы убѣдились, что электрическіе телеграфы часто не могутъ исполнить своего назначенія, особенно если прокладываются въ мѣстахъ, подверженныхъ нападенію непріятельскихъ партизановъ. Случаи порчи линий и перехвата депешъ встрѣчались весьма часто. Для перехвата американскіе партизаны имѣли при себѣ маленькіе переносные аппараты Морзе: встрѣтивъ гдѣ-нибудь непріятельскую телеграфную линію, они тотчасъ же разрѣзывали ее и, соединивъ со своимъ аппаратомъ, принимали всѣ предаваемые по ней депеши. Говорятъ, будто нѣкоторые партизаны перехватывали депеши даже безъ помощи аппарата; для этого, разрѣзавъ проволоку, они вклики копецъ ея на языкъ и принимали депешу по ощущенію особаго, производимаго электричествомъ, вкуса. Другіе же партизаны имѣли постоянно при себѣ небольшія переносныя батареи, съ помощью которыхъ посылали сообщенія со своими цѣлями отвѣты на перехватываемыя депеши и даже дѣлали новые вопросы и получали на нихъ отвѣты. Подвигами послѣдняго рода отличался въ особенности знаменитый южанскій партизанъ Морганъ, дѣйствовавшій въ штатахъ Миссури, Кентукки и Тенесси въ теченіе 1861 и 1862 годовъ. Подобные перехваты депешъ случались также перѣдно въ послѣднюю франко-прусскую войну, и одинъ изъ нихъ нагналъ въ свое время много шума. Послѣ пораженія войскъ Макъ-Магона, городъ Гагенау былъ немедленно занятъ пруссаками; между тѣмъ, изъ Страсбурга, гдѣ еще ничего не знали объ этомъ, послана была телеграмма въ Гагенау съ вопросомъ: свободенъ ли желѣзный путь и можно ли по немъ отправить вновь сформированный батальонъ? Пруссаки приняли депешу, отвѣчали, что путь свободенъ, и французскій батальонъ, по прибытіи въ Гагенау, отправленъ былъ, какъ говорятъ, прямо въ Пруссію, даже безъ пересадки въ другіе вагоны.

Случаи частаго перехвата депешъ, также невозможность устроить линію электрическаго телеграфа при недостаточномъ времени, заставляли американцевъ ввести въ своихъ войскахъ оптическіе телеграфы и организовать особыя команды для передачи свѣдѣній этимъ путемъ.

Въ американскую войну сдѣлано было также нѣсколько попытокъ производить военныя рекогносцировки съ аэростатовъ, поднимаемыхъ на значительную высоту и удерживаемыхъ посредствомъ канатовъ. Реногосцеръ, сидѣвшій въ лодкѣ, имѣлъ при себѣ телеграфный аппаратъ, соединенный съ другимъ такимъ же аппаратомъ, находившимся вверху, посредствомъ проволоки, влетавшей въ канатъ, и могъ тотчасъ же сообщать свои наблюденія. Весьма замѣчательный примѣръ совмѣстнаго употребленія аэростатовъ и электрическихъ телеграфовъ представляетъ сраженіе при Феръ-Оксѣ, въ маѣ 1862 года, когда часть потомаской арміи перешла рѣку Чикагомини и угрожала Ричмонду, прикрываемому арміей Джонстона. Для осмотра мѣстности и расположенія непріятеля, передъ атакой, одинъ офицеръ генеральнаго штаба сѣверной арміи поднялся на аэростатъ и не только успѣлъ высмотрѣть всѣ необходимыя подробности, но даже снялъ фотографическій видъ всей занимаемой непріятелемъ мѣстности. На основаніи этихъ данныхъ была предпринята атака, но проливной дождь въ такой степени затруднилъ движеніе, что она была приостановлена, а часть войскъ, усиленныхъ переправиться на другую сторону рѣки, очутилась въ весьма невыгодномъ положеніи, по неимѣнію достаточнаго числа мостовъ на Чикагомини. Поэтому, утромъ на другой день, Макъ-Клеанъ приказалъ подняться на аэростатъ тому же офицеру генеральнаго штаба и тотчасъ получилъ отъ него извѣстіе о движеніи непріятеля противъ лѣваго крыла сѣверянъ. Посланное немедленно подкрѣпленіе во-всемъ поддержало лѣвый флангъ, который уже началъ отступать, и остановило дальнѣйшіе успѣхи южанъ на этомъ пунктѣ. Послѣ неудачной попытки противъ лѣваго фланга южане произвели нѣсколько новыхъ атакъ въ различныхъ направленіяхъ, но каждый разъ были отбиваемы превосходными силами, благодаря свѣдѣніямъ, доставляемымъ своевременно съ аэростата.

Наиболѣе интереса представляютъ свѣдѣнія объ употребленіи телеграфа въ послѣднюю прусско-французскую войну. Въ началѣ войны пруссаки имѣли только четыре отдѣленія военно-походнаго телеграфа, изъ которыхъ одно состояло при главной квартирѣ короля, а остальные были распределены между арміями наследнаго принца, принца Фридриха-Карла и генерала Штейнмеца. Независимо отъ военно-походныхъ отдѣленій, къ каждой арміи было придано по одному этапному отдѣленію, а впоследствии, при развитіи военныхъ дѣйствій, пруссаки сформировали еще три походныхъ и два этапныхъ отдѣленія. Къ концу декабря семь полевыхъ и пять этапныхъ отдѣленій были распределены слѣдующимъ образомъ: четыре полевыхъ

и два этапныхъ отдѣленія находились подъ Парижемъ, два полевыхъ и два этапныхъ отдѣленія у принца Фридриха-Карла, на Луарѣ, и, наконецъ, одно полевое и одно этапное отдѣленіе у генерала Мантейфеля, на сѣверѣ.

Въ эту кампанію пруссаки организовали особое управленіе, получившее названіе «управленія военнаго телеграфа», на которое возложено было устройство, возстановленіе и завѣдываніе всеми постоянными телеграфными линіями на театрѣ военныхъ дѣйствій. Этимъ управленіемъ было устроено (частью вновь, частью возстановлено) 6,068 верстъ телеграфныхъ линій, съ проволокой въ 13,878 верстъ, и 135 станцій. Изъ государственнаго телеграфнаго управленія на театрѣ войны отправлено было 420 телеграфныхъ чиновниковъ. О количествѣ линій, построенныхъ полевыми и этапными отдѣленіями, до сихъ поръ нѣтъ свѣдѣній, но количество это во всякомъ случаѣ должно быть громадно.

Полевой телеграфъ получилъ въ послѣднюю кампанію особенное развитіе при продолжительныхъ блокадахъ и осадахъ крѣпостей, когда устройство телеграфныхъ линій не представляло значительныхъ затрудненій. Такъ, напримѣръ, вокругъ Парижа устроена была цѣлая телеграфная сѣть въ 150 верстъ длиною съ 23 станціями, причѣмъ многія линіи состояли изъ трехъ и четырехъ проводниковъ. Но собственно въ полевой войнѣ, для тактическихъ цѣлей, телеграфъ, кажется, такъ же мало употреблялся, какъ и въ войну 1866 года. Была даже минута, именно при быстромъ движеніи вѣнцевъ къ Седану, когда главная квартира короля оказалась разобщенною съ дѣйствующими арміями, отчасти вслѣдствіе истощенія походнаго телеграфнаго запаса, отчасти вслѣдствіе того, что всѣ окрестныя линіи были уничтожены или сильно попорчены французами.

Опытъ войны показалъ, что на главныхъ линіяхъ часто бываетъ недостаточно одной проволоки, потому что въ горячее время накопилось такъ много депешъ, а сама проволока такъ часто повреждалась, что перѣдко приходилось отправлять письменныя приказанія съ офицерами по линіи дѣйствующаго телеграфа. Прусскія телеграфныя фуры оказались также весьма неудобными. Люди телеграфныхъ отдѣленій часто должны были приступать къ устройству линіи тотчасъ послѣ утомительнаго перехода, или, наоборотъ, отправляться въ походъ тотчасъ послѣ снятія линіи; для сохраненія силъ, имъ позволялось садиться на фуры, которыя никакихъ удобствъ къ этому не представляли, ибо верхъ ихъ состоялъ изъ двускатной крыши. Те-

перь прусскія фуры передѣлываются по новому образцу и дадутъ возможность всей командѣ отдѣленія помѣщаться на нихъ.

Французы, какъ кажется, въ эту войну вовсе не имѣли организованнаго походнаго телеграфа; но за то они употребили совершенно особыя средства, вполнѣ достойныя изученія, для сообщенія осажденнаго Парижа съ провинціей и съ остальнымъ міромъ.

Въ предвидѣніи продолжительной осады столицы, французское правительство озаботилось о сообщеніи ея съ провинціями посредствомъ подводныхъ проводниковъ, зарытыхъ на днѣ Сены; но эти проводники вскорѣ были открыты и уничтожены вѣтцами, благодаря, какъ говорятъ, измѣнѣ одного телеграфнаго чиновника нѣмецкаго происхождения. Затѣмъ сдѣлано было нѣсколько попытокъ устроить передачу оптическихъ сигналовъ, производимыхъ электрическимъ свѣтомъ съ аэростатовъ, удерживаемыхъ съ помощью каната на весьма значительной высотѣ. Но разсказами, эти сигналы видны были съ громаднаго разстоянія и употреблялись съ успѣхомъ въ началѣ осады, но съ занятіемъ вѣтцами Орлеана, Шартра и Руана оптическіе сигналы сдѣлались невозможными, и тогда французы прибѣгли къ помощи аэростатовъ и голубей.

Аэростаты первоначально были употребляемы въ небольшомъ числѣ, для выхода изъ Парижа нѣсколькихъ лицъ, и въ томъ числѣ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Гамбеты. Впослѣдствіи, число ихъ постоянно увеличивалось, и наконецъ аэростаты стали отправляться изъ Парижа почти каждый день, а почтовое вѣдомство организовало совершенно правильную аэростатическую почту. Письма, адресованныя во все концы міра, принимались безпріятелиственно отъ всехъ желавшихъ, за весьма умѣренную плату, во всехъ городскихъ почтовыхъ конторахъ, причемъ требовалось только, чтобы вѣсъ писемъ не превышалъ известной нормы. Письма отправлялись съ аэростатами изъ Парижа и, по паденіи аэростата на землю, передавались въ ближайшую почтовую контору, откуда ихъ уже разсылали по адресамъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Множество попытокъ, дѣлавшихся французами съ цѣлью достигнуть возможности управлять шаромъ, остались безуспѣшными... Не только направлять шаръ по произволу, но даже приблизительно определить мѣсто его паденія, оказалось невозможнымъ; между тѣмъ, послѣднее условіе было очень важно, такъ какъ пруссаки занимали значительную часть французской территоріи и каждый шаръ, упавшій въ районѣ расположенія нѣмецкихъ войскъ, дѣлался ихъ добычею. Для опредѣленія вѣтра, французы спускали прежде пробныя шары; но такъ

какъ теченіе воздуха неодинаково въ различныхъ слояхъ атмосферы и, кромѣ того, весьма быстро измѣняется, то, несмотря на все предосторожности, пруссаки часто захватывали французскіе шары.

При невозможности управлять аэростатами, нельзя было и думать о возвращеніи ихъ въ Парижъ, а потому, для полученія свѣдѣній изъ провинцій, французы обратились къ голубямъ, которые, съ незапамятныхъ временъ, извѣстны способностью возвращаться въ тѣ мѣста, гдѣ они были взрощены, вслѣдствіе привычки и супружеской привязанности, хотя бы для того пришлось имъ пролетѣть довольно значительное пространство. Первоначально депеши для голубиной почты писались руками на очень тонкой бумагѣ, приблизительно въ полтора дюйма въ квадратъ; бумага свертывалась въ трубку и привязывалась къ одному изъ нижнихъ перьевъ въ хвостѣ голубя. Но такъ какъ, при самомъ мелкомъ почеркѣ, на подобномъ листикѣ нельзя унести много, то скоро прибѣгли къ уменьшенію писанныхъ депешъ съ помощію фотографіи. Фотографическіе оттиски дѣлались сначала на бумагѣ, потомъ прямо на тоненькихъ листикахъ колодіума, представлявшихъ двухъ-дюймовой квадратъ, на которомъ умѣщалось 144 страницы печатнаго текста въ 18-ю долю листа, что составляетъ около 1,600 обыкновенныхъ телеграфныхъ депешъ.

Чтеніе листовъ производилось сначала съ помощію солнечнаго микроскопа, дающаго изображеніе листка въ огромномъ видѣ на блѣломъ экранѣ, передъ которымъ помѣщалось нѣсколько человекъ, занимавшихся списываніемъ отдѣльныхъ депешъ. Впослѣдствіи нашли болѣе удобнымъ разрѣзывать листикъ колодіума на столько частей, сколько въ немъ было депешъ, и воспроизводить каждую депешу фотографически въ первоначальномъ размѣрѣ, причемъ полученный оттискъ отправлялся прямо по назначенію.

Голубиная почта недолго оставалась секретомъ для пруссаковъ. Какъ только этотъ способъ корреспонденціи сталъ извѣстенъ, они немедленно приняли соответственныя мѣры: начали стрѣлять голубей и даже завели для преслѣдованія ихъ дрессированныхъ соколовъ, вслѣдствіе чего только немногіе голуби достигали своего назначенія. Въ виду такихъ затрудненій, французы съ каждой полной депешей приготавливали значительное число оттисковъ на колодіумѣ, и каждый такой оттискъ привязывали къ особому голубю, которыхъ всегда одновременно посылалось штукъ двадцать или тридцать съ одной депешей, а въ важныхъ случаяхъ и гораздо болѣе. Само собою разумеется, что всѣ правительственныя депеши, содержаніе которыхъ же-

ляли скрыть отъ прусаковъ, были написаны шифромъ. Всего, во время осады, употреблено было до 4,000 голубей, изъ которыхъ уцѣли весьма немногіе (*).

Изложивъ историческій очеркъ употребленія телеграфовъ въ войнахъ послѣдняго времени, авторъ приходитъ къ заключенію, что значеніе телеграфовъ постоянно усиливается, но что нигдѣ это дѣло не получило окончательнаго устройства. Во всякомъ случаѣ, главными условіями, которымъ должна удовлетворять организація телеграфной части для арміи, на основаніи опыта, могутъ быть опредѣлены безошибочно.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, во время войны, армія будетъ нуждаться въ телеграфныхъ сообщеніяхъ двоякаго рода: ей необходимы постоянныя телеграфныя линіи, для сообщенія съ операціоннымъ базисомъ и съ центромъ государства, и временныя линіи, для сообщенія различныхъ частей войскъ между собою и съ станціями ближайшаго постояннаго телеграфа. При организаціи телеграфной части для арміи должно всегда имѣть въ виду удовлетвореніе обѣихъ потребностей.

Говоря объ устройствѣ новыхъ и о возстановленіи и починѣ существовавшихъ постоянныхъ линій, авторъ замѣчаетъ, что при густой сѣти телеграфныхъ линій, дѣйствующихъ въ настоящее время въ Европѣ, рѣдко понадобится строить длинныя новыя линіи, а большею частію придется возстановлять оставленныя и испорченныя непріателемъ. При этомъ не надо упускать изъ виду, что полное уничтоженіе линій можетъ встрѣтиться весьма рѣдко, потому что телеграфъ нуженъ непріателю до послѣдней минуты, между тѣмъ какъ уничтоженіе линій дѣло весьма не легкое и, во всякомъ случаѣ, требуетъ много времени. Такимъ образомъ, оставленныя непріателемъ линіи будутъ большею частію только повреждены, т. е. проволока разорвана, изоляторы разбиты и проч., что непременно должно быть принято въ соображеніе при организаціи матеріальной части телеграфныхъ парковъ, назначенныхъ для возстановленія постоянныхъ линій.

Но если трудно совершенно уничтожить телеграфную линію, то привести въ совершенную негодность телеграфную станцію чрезвычайно легко, такъ какъ аппараты могутъ быть увезены безъ всякаго затрудненія, а батареи перебиты. Въ прусской инструкціи для гражданскаго телеграфнаго вѣдомства, изданной въ 1866 году, съ полною подробностію указано какъ слѣдуетъ поступать начальникамъ станцій

(*) По послѣднимъ извѣстіямъ, во Франціи, въ настоящее время, предполагается устроить въ главнѣйшихъ мѣстахъ десять станцій голубиной почты.

въ случаѣ приближенія непріятеля. Разсмотрѣвъ критически прусскую инструкцію, авторъ указываетъ на нѣкоторые практическіе приемы, могущіе встрѣтиться въ телеграфной практикѣ при уничтоженіи и возстановленіи телеграфнаго сообщенія, которые мы разберемъ нѣсколько подробнѣе.

Если случится захватить станцію, оставленную непріателемъ, и если линія не испорчена, надо постараться тотчасъ же импровизировать телеграфную передачу свѣдѣній. Батарею можно возстановить безъ особенныхъ затрудненій изъ матеріаловъ, имѣющихся большею частью подъ рукою. Для этого можно употребить какіе угодно сосуды, наливъ ихъ водою съ небольшимъ количествомъ сѣрной кислоты или поваренной соли. Отрицательнымъ элементомъ, за отсутствіемъ цинка, можетъ служить желѣзо, а положительнымъ мѣдь или уголь. Устроивъ такимъ образомъ батарею, можно приступить тотчасъ же къ передачѣ свѣдѣній безъ помощи аппарата. Для этого надо въ одну руку взять конецъ проволоки, соединенной съ батареей, въ другую другой конецъ, соединенный съ линіей, и приводить ихъ въ соприкосновеніе такъ, чтобы получилась передача по системѣ Морзе, причемъ та часть проволоки, которая берется въ руку, должна быть изолирована кускомъ холста или бумаги. Устройство на скорую руку аппарата для приѣма депешъ представить гораздо болѣе затрудненій. Впрочемъ, можно всегда устроить электромагнитную катушку изъ неизолированной проволоки и, вставивъ въ нее магнитную стрѣлку, получить нѣчто въ родѣ стрѣлочнаго аппарата, съ помощью котораго очень легко приписать депешу, передаваемую по системѣ Морзе. Если же помѣстить въ катушку кусокъ мягкаго желѣза, то получится электромагнитъ, для котораго рычагомъ можетъ служить другой кусокъ мягкаго желѣза, придерживаемый рукою. Притяженіи этого рычага къ электромагниту могутъ тоже служить для приѣма депешъ по системѣ Морзе. Само собою разумѣется, что всѣ подобныя средства слѣдуетъ употреблять только при первоначальномъ устройствѣ сообщеній, тотчасъ по занятіи станцій; для полнаго же возстановленія линій необходимы настоящіе аппараты и батареи, запасъ которыхъ долженъ всегда возиться при арміи.

Заготовленіе значительнаго телеграфнаго матеріала и присканіе достаточнаго числа опытныхъ телеграфистовъ не можетъ быть произведено съ успѣхомъ передъ самымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій; слѣдовательно, для полнаго обезпеченія арміи въ этомъ отношеніи, необходимо заготовить все необходимое въ мирное время. Но содержаніе запасовъ самимъ военнымъ вѣдомствомъ обходилось бы слишкомъ дорого.

комъ дорого и было бы неудобно во многихъ другихъ отношеніяхъ; поэтому, во всѣхъ европейскихъ государствахъ, образование и хранение запасовъ возложено на гражданское телеграфное вѣдомство, съ тѣмъ чтобы, по открытіи кампаніи, оно снабжало войска всѣмъ необходимымъ.

На основаніи положенія о полевомъ управленіи войскъ во время войны, у насъ принято, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго находится государственные телеграфы, съ началомъ войны доставляло военному вѣдомству весь телеграфный матеріалъ, необходимый для устройства линій въ 500 верстъ, съ обязательствомъ пополнять его въ случаѣ истощенія. На основаніи того же положенія, во время войны формируется полевое телеграфное отдѣленіе, на обязанность котораго возлагается завѣдываніе всѣми телеграфными сообщеніями, расположенными въ районѣ военныхъ дѣйствій, устройство новыхъ и исправленіе существующихъ и, наконецъ, разрушеніе телеграфовъ въ случаѣ отступленія арміи. Полевое телеграфное отдѣленіе, формируемое изъ чиновъ гражданского телеграфнаго вѣдомства и подчиненное непосредственно инспектору военныхъ сообщеній, можетъ вполне развить свою дѣятельность только въ тылу арміи; для немедленнаго же устройства и восстановленія линій въ мѣстности только что занятой войсками, у насъ полагаются при походныхъ телеграфныхъ паркахъ особыя запасныя отдѣленія.

Кромѣ постоянныхъ телеграфныхъ линій, армія всегда будетъ нуждаться въ устройствѣ временныхъ линій, назначаемыхъ для соединенія частей войскъ между собою и съ ближайшими станціями постоянного телеграфа. Для удовлетворенія этой потребности служить такъ называемый военно-походный телеграфный паркъ, обязанный быстро устраивать линіи, быстро снимать ихъ въ случаѣ надобности и всюду слѣдовать за войсками. Понятно, что весь матеріалъ, необходимый для устройства линій, долженъ возиться въ паркѣ, причемъ болѣе всего вниманіе слѣдуетъ обратить на удобоподвижность, хотя бы въ ущербъ дешевизнѣ и даже прочности составныхъ его частей. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что аппараты и батареи для походнаго парка, при современномъ состояніи науки и техники, могутъ вполне удовлетворить вышеноставленному условію; что же касается до проводниковъ, то вопросъ о ихъ устройствѣ до сихъ поръ не получилъ удовлетворительнаго рѣшенія, хотя вопросъ этотъ, относительно удобоподвижности, занимаетъ первостепенное мѣсто.

Для устройства линій, въ походныхъ телеграфахъ употребляются проводники двойнаго рода: неизолированные, подвѣшиваемые на

шестахъ, и изолированные, укладываемые прямо на землю или зарываемые въ ней на небольшую глубину. Хорошо устроенный изолированный проводникъ представляетъ для походнаго телеграфа весьма много удобствъ: онъ не требуетъ шестовъ, вслѣдствіе чего обозъ можетъ быть значительно уменьшенъ; укладка его требуетъ менѣе рукъ и менѣе времени и искусства; онъ не бросается въ глаза, и потому не такъ легко можетъ подвергнуться порчѣ со стороны непріятельскаго партизана. Но до сихъ поръ, къ сожалѣнію, нѣтъ еще такого образца изолированнаго проводника, который бы вполне удовлетворялъ условію прочности; за отсутствіемъ ея, проводникъ часто подвергается порчѣ отъ копытъ лошадей и отъ повозокъ, причемъ мѣсто поврежденія отыскать весьма трудно; на этомъ основаніи у насъ и въ Пруссіи неизолированный проводникъ составляетъ основаніе телеграфнаго обѣза (у насъ $\frac{1}{5}$, въ Пруссіи $\frac{2}{3}$). Во Франціи, еще въ 1868 году производились обширные опыты надъ изолированнымъ проводникомъ, и, судя по отчетамъ, испытанный образецъ оказался такъ проченъ, что не раздавливался самыми тяжелыми повозками, даже будучи положенъ на рельсы желѣзной дороги. Хотя французскіе опыты не получили дальнѣйшаго развитія, однако надо полагать, что вопросъ объ изобрѣтеніи вполне удовлетворительнаго изолированнаго проводника есть вопросъ времени, долженствующій повести къ радикальнымъ измѣненіямъ въ организаціи походнаго телеграфа.

Въ трудѣ г. Рехневскаго подробно разобраны всѣ составныя части походнаго телеграфа: обозъ, порядокъ устройства станцій и проложенія линій и, наконецъ, организаціи телеграфныхъ парковъ у насъ и за границею.

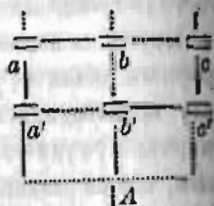
У насъ предполагается сформировать семь полныхъ телеграфныхъ парковъ и одно летучее отдѣленіе для императорской главной квартиры. Каждый паркъ подраздѣляется на три отдѣленія: летучее, подвижное и запасное. Летучее назначается для дѣйствій съ войсками и можетъ построить линію въ 35 верстъ; подвижное возитъ съ собою матеріалъ на 42 версты и назначается для соединенія главныхъ квартиръ отдѣльныхъ корпусовъ; запасное отдѣленіе, назначаемое для восстановленія и устройства линій въ тылу арміи, имѣетъ запасъ матеріала для устройства линій въ 70 верстъ.

Въ Пруссіи имѣется, въ настоящее время, семь полевыхъ и пять станционныхъ отдѣленій.

Въ Австріи, въ военное время, полагается придавать по одному отдѣленію военнаго телеграфа къ главной квартирѣ арміи, къ каждой

корпусной квартирѣ, къ интендантскому управленію арміи и къ каждой отдѣльно-дѣйствующей дивизіи.

Разсматривая организацию военно-походныхъ телеграфовъ въ указанныхъ выше государствахъ, авторъ не признаетъ ее окончательною, ибо при ней телеграфъ не въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ военнаго времени. Если представить себѣ, говоритъ авторъ, наступающую армію изъ трехъ корпусовъ, двигающихся по тремъ параллельнымъ дорогамъ, то сообщеніе между корпусами можетъ быть устроено двоякимъ образомъ: или поперечное (abc , $a'b'$, c'), или по направленію движенія (aA , bA , cA), соединяющееся въ какомъ-нибудь центральномъ пунктѣ въ тылу арміи. Поперечныя линіи могутъ быть устроиваемы только временно, въ случаѣ остановки, да и то при благоприятной мѣстности и при незначительномъ разстояніи между частями войскъ; крокъ того, какъ только войска тронутся съ мѣста, поперечныя линіи надо поспѣшно снимать, причежь телеграфныя команды неминуемо будутъ отставать отъ войскъ. Поэтому, для устройства постояннаго сообщенія между корпусами наступающей арміи, почти всегда придется прибѣгать къ постройкѣ непрерывныхъ линій по направленію движенія каждого корпуса, съ тѣмъ, разумѣется, условіемъ, чтобы эти линіи соединялись между собою гдѣ-нибудь въ тылу арміи, и чтобы постройка ихъ производилась со скоростью движенія войскъ. Между тѣмъ, такія линіи не могутъ быть устроиваемы средствами нашихъ телеграфныхъ парковъ, которые истощаются на двухъ или на трехъ переходахъ.

Въ этомъ отношеніи, организацию французскаго походнаго телеграфа, проектированнаго въ 1868 году, заслуживаетъ большаго вниманія. Задавшись цѣлью соединить, въ военное время, телеграфною нитью отдѣльные корпуса между собою и съ главною квартирой, французы предположили придать къ каждому отдѣльному корпусу телеграфное отдѣленіе, имѣющее отъ 200 до 250 верстъ проводника, съ помощью котораго оно могло бы безостановочно строить линію на разстояніи 10—12 переходовъ, а не на разстояніи только 2—3½, какъ у насъ и въ Пруссіи. Весь телеграфный матеріалъ каждого отдѣленія предположено было возить на двухъ станціонныхъ и на десяти телеграфныхъ возозахъ. Двѣ станціонныя и четыре телеграфныя повозки должны были находиться постоянно при войскахъ, а остальные шесть возозахъ слѣдовать въ обозѣ и служить для замѣны первыхъ, по мѣрѣ истощенія въ нихъ матеріала. При каждомъ отдѣле-

ніи предполагалось имѣть, сверхъ того, нѣсколько муловъ или вьючныхъ лошадей для устройства небольшихъ боковыхъ линій.

Постройку линій во французскомъ телеграфѣ предполагалось производить со скоростью обыкновеннаго движенія войскъ, для чего въ головѣ строящейся линіи должна была находиться станціонная карета съ аппаратомъ, соединеннымъ съ линіей. Такимъ образомъ, корпуса, снабженные походнымъ телеграфомъ, могли бы поддерживать постоянныя сношенія между собою не только во время остановокъ, но и на ходу.

Выгоды такой организациіи полевого телеграфа очевидны; но весь успѣхъ ея приложенія на дѣлѣ будетъ прямо зависеть отъ достоинства изолированнаго проводника. Голый проводникъ, само собою разумѣется, не годится для такой организациіи, потому что потребовалъ бы шестовъ и, слѣдовательно, чрезмѣрнаго увеличенія обоза.

Разсмотрѣвъ подробно все относящееся къ электрическимъ телеграфамъ, авторъ замѣчаетъ, что они никакимъ образомъ и ни при какой организациіи не могутъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ военнаго времени, такъ какъ: 1) требуютъ большаго обоза, стѣсняющаго войска и часто не могущаго слѣдовать за ними; 2) постройка линій требуетъ всегда значительнаго времени, которымъ не всегда можно располагать при быстрыхъ передвиженіяхъ войскъ; 3) линіи легко подвергаются порчѣ и требуютъ постоянной охраны; 4) устройство линій черезъ мѣстность занятую непріателемъ совершенно невозможно. Вышесказанное приводитъ автора къ заключенію о необходимости ввести въ войска оптическіе телеграфы, которые хотя и не могутъ замѣнить собою электрическихъ, но, по простотѣ своего устройства и несложности матеріала, принесутъ большую пользу войскамъ. Выгоды оптическихъ телеграфовъ заключаются въ слѣдующемъ: 1) они не требуютъ почти никакого обоза, влѣдствіе чего вовсе не стѣняютъ движенія войскъ и могутъ быть легко устроены въ самыхъ непроходимыхъ мѣстностяхъ; 2) оптическія сообщенія, не нуждаясь въ постройкѣ линій соединяющей станціи, могутъ открываться и прекращаться во всякое данное время; 3) линія, по которой передаются оптическіе сигналы, не нуждается вовсе въ охранѣ и можетъ пролегать даже чрезъ мѣстность занятую непріателемъ.

Авторъ признаетъ, что, когда дѣло идетъ объ устройствѣ линій, назначаемой для постоянной и дѣятельной корреспонденціи, электрическій телеграфъ несравненно удобнѣе оптическаго, что послѣдній вовсе не можетъ дѣйствовать во время дождя и тумана, что устройство

его въ дѣйстви мѣстности затруднительно; но за то, когда является необходимость въ устройствѣ небольшихъ временныхъ телеграфныхъ сообщений, при передвиженіяхъ войскъ, равно въ трудно-доступной или подверженной непріятельскимъ нападѣніямъ мѣстности, оптический телеграфъ незаменимъ. Поэтому, для извлеченія изъ телеграфовъ всей той пользы, которую они могутъ доставить военному дѣлу, необходимо, чтобы каждая армія была снабжена какъ электрическимъ, такъ и оптическимъ телеграфомъ.

Для устройства оптического телеграфа, достаточно только организовать команду, которая умѣла бы обращаться съ несложною матеріальною частью, состоящею изъ флаговъ или изъ складныхъ щитовъ, для дневныхъ сигналовъ, и изъ лампы Шпаковского, для ночныхъ. Въ случаѣ надобности, флаги и щиты могутъ быть замѣнены какимъ угодно предметомъ, поднятымъ на ружьѣ, пикѣ или вѣлкѣ, а лампа Шпаковского можетъ быть замѣнена какимъ угодно огнемъ, закрываемымъ и открываемымъ въ надлежащіе промежутки времени, съ помощью какой-нибудь досочки.

Въ настоящее время, оптическіе телеграфы введены въ арміяхъ сѣверо-американской, англійской и австрійской.

Говоря о подробностяхъ устройства оптического телеграфа, авторъ замѣчаетъ, что существуютъ два способа передачи свѣдѣній такимъ путемъ: буквенный, когда известное сочетаніе знаковъ означаетъ одну букву, и фразный, когда подобное же сочетаніе означаетъ цѣлую фразу. Передача по первому способу весьма медленна, такъ какъ въ минуту болѣе одного или двухъ словъ передать нельзя, между тѣмъ какъ по электрическому аппарату Морзе передается обыкновенно отъ 10 до 15 словъ въ минуту. При такой медленности производства сигналовъ, очень трудно было бы обойтись однимъ буквеннымъ способомъ передачи, не прибѣгая вовсе къ помощи фразнаго. Поэтому въ Америкѣ и въ Англии оптическіе полевые телеграфы основаны преимущественно на фразномъ способѣ, который, по замѣчанію автора, вѣроятно будетъ принятъ вслѣдѣ, гдѣ оптическіе телеграфы достигнутъ сколько-нибудь значительнаго развитія. При этомъ, надо замѣтить, что фразный способъ вовсе не исключаетъ буквеннаго, такъ что по произволу можно употреблять тотъ, который окажется удобнѣе.

Противъ оптическихъ телеграфовъ возражаютъ, что непріятель, зная сводъ фразъ и азбуку, можетъ легко понимать передаваемые свѣдѣнія. Но надо помнить, что эта опасность не составляетъ исключительной принадлежности оптического телеграфа. Американская

война показала, что перехватъ депешъ не только возможенъ въ электрическихъ телеграфахъ, но въ нихъ-то онъ именно всего опаснѣе, потому что перехваченная электрическая депеша вовсе не достигаетъ своего назначенія, тогда какъ оптическая депеша, если и будетъ замѣчена и понята непріятелемъ, то это нисколько не помѣшаетъ ей быть замѣченной и понятой тѣми, для кого она назначается. Наконецъ, въ случаѣ надобности, важныя свѣдѣнія можно передавать шифрованнымъ способомъ. Въ концѣ сочиненія авторъ помѣстилъ весьма остроумный способъ шифрованной передачи депешъ, который, будучи даже извѣстенъ непріятелю, не поможетъ ему разобратъ передаваемые свѣдѣнія.

Въ заключеніе авторъ замѣчаетъ, что ни теорія, ни практика до сихъ поръ еще не высказали своего послѣдняго слова о значеніи военныхъ телеграфовъ. Однако послѣднія войны на столько уяснили дѣло, что теперь едва-ли кто сомнѣвается въ той громадной пользѣ, которую приносятъ телеграфы въ стратегическомъ отношеніи, соединяя главныя квартиры арміи съ операционнымъ базисомъ и съ центромъ государства. Но относительно тактическаго примѣненія ихъ существуетъ значительное разногласіе: одни полагаютъ, что телеграфныя линіи всюду должны слѣдовать за войсками, на походѣ, въ бою и на бивуакѣ, при наступленіи и оборонѣ; другіе, напротивъ, значительно ограничиваютъ ихъ употребленіе, приводя въ возраженіе, что постройка и снисканіе телеграфныхъ линій, а равно и телеграфный обозъ, на столько затрудняютъ дѣло, что нечего и думать объ употребленіи телеграфа въ бою или на походѣ. Дѣйствительно, при пынѣшемъ устройствѣ военно-походныхъ телеграфовъ, примѣненіе ихъ къ тактическимъ операціямъ представляетъ значительныя затрудненія; но затрудненія могутъ быть устранены съ примѣненіемъ изолированнаго проводника и, въ особенности, съ введеніемъ оптическихъ телеграфовъ.

Съ своей стороны, мы замѣтимъ, что, какъ бы ни были усовершенствованы механическіе способы передачи мысли на далекомъ разстояніи, армія никогда не должна рассчитывать исключительно на нихъ, а должна заботиться о хорошей организаціи передачи свѣдѣній первобытнымъ способомъ, посредствомъ ординарцевъ.

По поводу исторіи 13-го лейбъ-гренадерскаго
Эриванскаго Его Величества полка,

составленной штабсъ-капитаномъ Шабановымъ.

Авторъ «Исторіи Эриванскаго полка», на 135 стр. 2-й части, упоминаетъ о ночномъ нападеніи лезгиновъ на пятую и шестую роты, съ 24-го на 25-е марта 1839 года, близъ укрѣпленія Беженъныи, помѣстивъ отъ моего лица слѣдующій рассказъ:

«О сборѣ партія горцевъ намъ положительно ничего не было извѣстно, а потому съ нашей стороны не было принято усиленныхъ мѣръ предосторожности, и мы, по обыкновенію, наканунѣ нападенія, осмотрѣвъ передовые пункты, не раздѣваясь улеглись спать. За часъ до разсвѣта, я услышалъ страшный крикъ съ фронта лагеря. Выскочивъ изъ палатки, я увидѣлъ сквозь мракъ ночи канія-то тѣни, которыя послѣшно влѣзали на валъ, прикрывавшій нашъ лагерь. Тогда, по моему приказанію и по приказанію штабсъ-капитана Гозиуша, роты построились и быстро бросились на тѣни. Произошла рукопашная схватка. Пальба, шумъ, крикъ и барабанный бой слились въ одинъ оглушительный шумъ. Такая сцена продолжалась нѣсколько минутъ. Затѣмъ опять тѣни горцевъ, промелькнувъ на валѣ, стали исчезать. Въ этой ночной битвѣ у насъ убитъ одинъ и ранено кинжалами четыре карабинера; сверхъ того, убито и ранено рабочихъ грузинъ, собранныхъ также для постройки укрѣпленія, 89 человекъ. Лезгины оставили подъ завалами около одиннадцати тѣлъ (*).

Рассказъ этотъ я не признаю своимъ, не потому только, что я не давалъ права автору печатать отъ моего лица что-либо, но и потому, что въ приведенномъ рассказѣ сущность дѣла представлена не въ истинномъ свѣтѣ.

О сборѣ трехтысячной партіи лезгиновъ въ Капучѣ, съ цѣлью напасть на рабочихъ, собранныхъ близъ укр. Беженъныи, въ числѣ 400, изъ вооруженныхъ жителей Кахетин для постройки блокгауза предъ входомъ въ Сацхенсчъ-ихевское ущелье, прикрываемыхъ двумя ротами (370 штыковъ), пятою моею и шестую штабсъ-капитана Гозиуша, подъ общемою командою послѣдняго — мы были предупреждены еще 18-го марта капитаномъ генеральнаго штаба Эрпомъ, ставшимъ насъ на избранной имъ позиціи. Вслѣдствіе этого, мы

(*) По просьбѣ г. Шабанова, года два тому назадъ, я некогда пересмотрѣлъ, въ время служенія моего въ Эриванскомъ полку и въ гренадерской бригадѣ, собранные имъ матеріалы для исторіи полка и, между прочимъ, рассказавъ ему о дѣлахъ 25-го и 26-го марта 1839 года.

Авторъ.

принимали возможные, даже до излишества, мѣры предосторожности. Люди ночью отдыхали не раздѣваясь; ружья всегда были заряжены; позиція прикрывалась секретами, со стороны ущелья карабинерами, а со стороны р. Алазани рабочими, расположенными отъ насъ шагахъ въ семистахъ. Собственно лагерь нашъ былъ защищенъ четырехугольнымъ сплошнымъ заваломъ, въ родѣ забора, изъ срубленныхъ молодыхъ деревьевъ. Заборъ былъ выше человѣческаго роста. Если эта немощная высота забора затруднила горцамъ влѣзаніе въ завалъ, за то и сильно препятствовала быстрому и въ порядкѣ выходу карабинеровъ изъ-за завала, въ которомъ не было ни одного выхода, въ родѣ барьерныхъ воротъ. Была одна калитка въ тыльномъ фасѣ, но чрезъ нее можно было проходить только по одиночкѣ. Бойницами служили щели, образовавшіяся, на различной высотѣ, между рядами кривыхъ деревьевъ. Много и громко подтрунивали офицеры надъ постройкою завала, названнаго «правиловою башнею»; подшучивали по-своему и солдаты, таская на своихъ плечахъ, по цѣлымъ днямъ, деревья и приспособляя ихъ къ завалу. Рабочіе помѣщались въ устроенныхъ или длинныхъ шалашахъ, съ продольными узкими проходами по срединѣ. Рабочіе находили ненужнымъ прикрывать свои шалаша заваломъ.

Капитанъ Эрпъ, поступившій на мѣсто подполковника Фрейтага (*) въ завѣдываніе отдѣломъ кордошной линіи, 18-го же марта уѣхалъ отъ насъ за тридцать пять верстъ, въ д. Сабун, для принятія мѣръ предосторожности на другихъ пунктахъ линіи, угрожаемыхъ набѣгомъ лезгиновъ.

Когда я услышалъ восклицанія: «лезгины», а затѣмъ отдѣленные стоны, крики и выстрѣлы, то выскочилъ изъ палатки и бросился къ завалу. Отсюда было явственно видно (хотя оставалось до разсвѣта еще съ часъ), при слабомъ свѣтѣ луны изъ-за тучъ, что не тѣни, а люди въ мехнатыхъ шапкахъ показываются на завалѣ; карабинеры уже были на определенныхъ заблаговременно мѣстахъ: одни у завала, другіе въ резервахъ по фасамъ. Если бы только тогда, какъ уже показывались люди на завалѣ, пришлось приказывать карабинерамъ стрѣлять, мы бы дорого заплатились. Почти вслѣдъ за моею командою — козеть и стрѣлять — (пятая рота первою подверглась нападенію), объяснилось, что къ намъ спускаются рабочіе отъ преслѣдованія напавшихъ на нихъ лезгиновъ, изъ числа которыхъ нѣсколько человекъ, въ толпѣ рабочихъ, уже ворвались въ завалъ и бросились на людей шестой

(*) Вслѣдствіемъ извѣстнаго начальнаго глѣбаго оланга въказовой линіи.

роты. Лезгинны скоро отброшены были отъ завала штыками и огнемъ. Намъ слѣдовало, тотчасъ по отбитіи лезгиновъ, броситься на нихъ въ штыки. Всѣ офицеры единогласно просили объ этомъ штабъ-капитана Гозиуша; но Гозиушъ, напомнивъ намъ о несчастномъ дѣлѣ подъ Зокаталами въ 1830 году (*), не рѣшился вступить въ рукопашный бой вѣ завала, а завязавъ перестрѣлку, которая, безъ большого вреда для обѣихъ сторонъ, длилась до ночного разсвѣта. Съ разсвѣтомъ, горы стали отступать къ ущелью, а къ намъ прибыли: изъ укр. Бежонлянъ команда изъ шестидесяти человекъ линейной роты при офицерѣ, сотня грузинской милиціи, подъ командою капитана князя Джандіерова, и изъ ближайшихъ кахетинскихъ деревень до пяти сотъ вооруженныхъ жителей, предводимыхъ князьями и дворянами. Липейцы притащили съ собою на рукахъ единственный бывший въ укрѣпленіи четверть-пудовой полелой единорогъ. У насъ артилеріи не было, и только спустя цѣлую послѣ дѣла къ намъ присоединился взводъ трехфунтовыхъ горныхъ единороговъ.

Сотня милиціонеровъ тотчасъ же бросилась преслѣдовать лезгиновъ, втягивавшихся уже въ ущелье, отстоявшее отъ лагеря версты на полторы; но послѣ незначительной схватки и перестрѣлки съ хвостомъ отступавшей партіи, потерявъ одного юнкера убитымъ и нарубивъ двухъ лезгиновъ, сотня возвратилась къ нашему завалу.

Прибывшіе кахетинцы настоятельно требовали немедленнаго наступленія съ ними карабинеровъ, линейцевъ и милиціонеровъ; но Гозиушъ, ни за что не соглашався на это, считалъ обязательнымъ для себя оставаться на указанной позиціи (занимать ее уже не было смысла послѣ разсѣнія рабочихъ, которыхъ мы должны были прикрывать). А потому онъ назначилъ для преслѣдованія сорокъ карабинеровъ, отъ каждой роты по двадцати, подъ командою подпоручика своей роты Павлова. Всѣ офицеры, хотя и сознавали запоздалость затѣвшаго движенія, просили Гозиуша: если ужъ наступать, то съ обѣими ротами, но не отдѣлить отъ нихъ командъ. Гозиушъ настоялъ на своемъ и, раздосадованный, предложилъ мнѣ, если хочю, по передачѣ завѣдыванія ротою старшему по мнѣ офицеру, подпоручику Александрѣе, идти при наступающемъ отрядѣ впереди роты. Отказываться не приходилось, и я, въ качествѣ вольонтера, примкнулъ къ командѣ Павлова.

Быстро двинулся импровизованный отрядъ, безъ общаго на-

(*). См. стр. 93, часть 2-я. Въ дѣлѣ этомъ онъ былъ легко раненъ, но не объявилъ себя раненымъ.

чальства, къ Сацхенпсъ-цховскому ущелью. Впереди шли милиціонеры и карабинеры, за ними кахетинцы, въ хвостѣ линейцы.

Въ ущельѣ движеніе замедлялось частыми переправами чрезъ рѣку Сацхенпсъ-цхеви, то въ бродѣ, то по перекинутымъ бревнамъ. По сторонамъ ущелья видѣлись во многихъ мѣстахъ оставленные горцами завалы. Пройдя версты четыре отъ лагеря, мы увидѣли предъ собою, при поворотѣ ущелья, три большихъ, устроенныхъ на сватѣ горъ, завала. Завалы эти были заняты густыми толпами лезгиновъ.

Позиціи горцевъ, для нашего слабого и разнокалибернаго отряда, была неприступною; но кахетинцы требовали, чтобы солдаты съ милиціонерами шли на штурмъ заваловъ, а сами хотѣли идти въ обходъ. Благоразуміе сотеннаго милиціонернаго командира, стараго боевого кавказца, капитана князя Джандіерова, охладило увлеченіе кахетинцевъ: онъ энергически доказалъ имъ необдуманность предлагаемаго ими штурма и обхода.

Отрядъ остановился вѣ ружейнаго выстрѣла отъ заваловъ. Рѣшено было, отдохнувъ, возвратиться въ лагерь. Во время отдыха лезгинны стали перебиваться съ кахетинцами и милиціонерами, приглашая ихъ и солдатъ въ гости къ себѣ въ завалы. Нагорлаившіеся вдоволь, отрядъ сталъ отступать, и, невреслѣдуемый, прибылъ къ полудню въ лагерь карабинеровъ, оставшіеся на прежней позиціи. Линейная команда съ единорогомъ и милиціонеры возвратились въ укрѣпленіе; одна, большая, часть жителей, пошла по домамъ, а другая добровольно осталась у насъ въ лагерѣ, въ ожиданіи новаго нападенія герцевъ.

Такъ кончилось кровавое дѣло 25-го марта, въ которомъ шестая рота потеряла одного убитого и четырехъ рядовыхъ раненыхъ князьями; пятая рота, хотя первую подверглась нападенію, никакой потери не понесла, но рабочихъ зарѣзано въ шалашахъ 79 и подобрано нами подъ самымъ заваломъ 14 раненыхъ. Въ числѣ послѣднихъ оказались, къ сожалѣнію, ранеными штыками моей роты шесть человекъ, въ первый моментъ прорыва въ завалъ рабочихъ, которые ворвались въ перемежку съ лезгинами. Такихъ несчастныхъ жертвъ было-бы навѣрно больше, если бы моей роты прапорщикъ Кобіевъ (*) и юнкеръ князь Шаликовъ (**), не убѣдили меня остановить на минуту бой, увѣряя, что перелѣзаятъ чрезъ завалъ свои—грузины, а лезгинны массою бѣгутъ за ними въ

(*) Нынѣ генералъ-майоръ и Александропольскій комендантъ.

(**) Отчаянный храбрецъ, убитый въ чинѣ майора въ юрукъ-даринскомъ сраженіи.

пѣкоторомъ отдаленіи. Мы всѣ трое, влѣзши на заваль, взгляды наши впередъ; здѣсь, по сторонамъ отъ насъ, лежали въ заваль опрокинуты, съ обнаженными вицжалами, люди, но я, прибывшій лишь полтора мѣсяца предъ тѣмъ на Кавказъ, не могъ отличить по одеждѣ своихъ рабочихъ отъ лезгиновъ. Лезгины, какъ первый замѣтилъ князь Шаликовъ, для отличія, въ темнотѣ, отъ рабочихъ, имѣли на папахъ обручи изъ бѣловатаго лыка. Всѣхъ раненыхъ у рабочихъ, по слухамъ, было до ста человекъ. Уцѣлѣвшіе рабочіе, болѣею частію, разбѣжались. У насъ въ завалѣ укрылось только 70, считая и 14 раненыхъ, о которыхъ упомянуто выше.

Лезгины оставили убитыми пять человекъ въ шалашахъ рабочихъ, трехъ около шалашей, одного у насъ въ завалѣ и одиннадцать предъ заваломъ, да въ полѣ двухъ изрубленныхъ милиціонерами. Много-ли у нихъ было раненыхъ и сколько они успѣли унести тѣлъ, слухи были разнорѣчивы; но, по свѣдѣніямъ лазутчика, знаменитаго тушинца Шета, потеря лезгиновъ вообще была весьма значительна.

На той же 135 страницѣ упоминается, что второй батальонъ расположился недалеко отъ укрѣпленія Беженьяны. Невольно рождается вопросъ: что же дѣлали остальные двѣ роты, когда шла рѣзня?

Чтобы не пада тѣль на добрую, вполне заслуженную боевую славу одного изъ достойнѣйшихъ батальонныхъ командировъ, покойнаго князя Гурамова, необходимо сказать, что при укрѣпленіи Беженьяны находился только второй полубатальонъ, а первый, со времени прибытія батальона изъ Магласа ускореннымъ маршемъ на лезгинскую линію, оставался съ батальоннымъ командиромъ при укрѣпленіи Клареди, въ семнадцати верстахъ отъ Беженьяны. Будь подъ Беженьянами весь батальонъ или, по крайней мѣрѣ, находись при нашихъ двухъ ротахъ князь Гурамовъ, лезгины не избѣжали бы совершеннаго пораженія.

Въ полдень съ 25-го на 26-е марта, въ Свѣтлос Воскресенье, въ секретѣ раздался выстрѣлъ. Карабинеры быстро стали въ ружья, молча, безъ малѣйшей суеты. О нашихъ карабинахъ можно было сказать, что они, кромѣ обыкновенной храбрости, обладали и «храбростію въ два часа по полуночи». Отступившіе секреты дали знать, что изъ ущелья, по направленію къ лагерю, выдвигаются толпы лезгиновъ. Ночь была темная; лебо заволокло тучами; въ мѣсячныхъ шагахъ трудно было различать предметы. Вскорѣ предъ лагеремъ, на ружейный выстрѣлъ, въ разныхъ мѣстахъ замерцали подвижныя огни: это лезгины, освѣщая мѣстность зажженными голов-

нями: отыскивали своихъ убитыхъ, оставленныхъ въ утренемъ бою. Мы открыли, по направленію огня, частую стрѣльбу; лезгины отвѣчали намъ тѣмъ же, но безвредно: пули ихъ перелетали чрезъ лагерь; столько же безвредною, вѣроятно, была и наша стрѣльба наобумъ; внотьмахъ. Эта потѣшная трескотня продолжалась бы, можетъ быть, безъ конца, если бы чрезъ полчаса хлынувшій ливень скоро не замочилъ кремневыхъ ружей. Цѣлую ночь, подъ проливнымъ дождемъ, мы простояли подъ ружьемъ, хотя горы съ прекращеніемъ перестрѣлки отступили въ ущелье.

Въ самый разгаръ перестрѣлки, одинъ карабинеръ моей роты чуть-было не прокололъ опять своего: на завалѣ вдругъ появился человекъ въ персидской шапкѣ; карабинеръ приготовился всадить въ него штыкъ, но, при свергнувшемъ по сосѣдству выстрѣлѣ, замѣтивъ на перелѣзавшемъ чрезъ заваль военный скрутокъ съ бархатнымъ воротникомъ, остановился. Это былъ кашатай Эрѣ, принесшійся къ намъ изъ д. Сабун, узнавъ о паденіи лезгиновъ на рабочихъ.

Наша стрѣльба встревожила въ укрѣпленіи линейцевъ и милиціонеровъ и ближайшія кахетинскія деревни. По тревогѣ, къ намъ прибыли тѣ же подарженія, какъ и нананунъ. После развѣта подарженія насъ оставляли, а въ поддень, снявши лагерь и разрушивъ заваль, стонувшій карабинерамъ шестидневныхъ непрерывныхъ трудовъ, мы отошли къ самому укрѣпленію Беженьяны, гдѣ карабинеры и разговѣлись, вмѣсто краснаго яичка. щами изъ черемши, благодаря гостепріимству лпейной роты, занимавшей укрѣпленіе.

Нападеніе на рабочихъ всполошило всю Кахетію и возбудило въ ея жителяхъ негодованіе на эриванцевъ, будто бы нежелавшихъ подать помощь рабочимъ. Но эриванцы были безъ вины виноваты. Оказалось, что рабочіе съ ранняго вечера 24-го марта (это былъ канунъ Благовѣщенія) начали встрѣчать праздникъ попойкою; бурдюки съ кахетинскимъ виномъ опорожнялись усердно, и долго за полночь у пирующихъ раздавались пѣсни и «алла-верды». После пира соя рабочихъ былъ крѣпче обыкновеннаго. Секреты ихъ или спали, или, быть можетъ, вовсе не были выставлены. Лезгины, обойдя нашу позицію удали отъ нашихъ секретовъ, падали на рабочихъ со стороны рѣки Алазани, отсюда нападеніе вѣсто не ожидалъ. Какъ имъ быстро, по первой тревогѣ, стали карабинеры въ ружья, но рабочіе были уже у нашего завала, а за ними мчались лезгины, увѣренные, какъ разсказывалъ потомъ лазутчикъ Шета, что на плечахъ рабочихъ они ворвутся къ намъ въ заваль и вырѣжутъ насъ сонныхъ, до

одного. Правда, выйдя из-за завала и удара въ штыки, мы отомстили бы лезгинамъ за смерть рабочихъ, но не воскресили бы зарѣзанныхъ по ихъ собственной оплошности. Карабинеры сдѣлали все, что могли. Это потому вошли сами кахетинцы и вездѣ встречались съ карабинерами по-братски, во все время расположенія второго батальона въ Беженянахъ, Кварелихъ, Сабун и въ другихъ мѣстностяхъ.

27-го марта, къ намъ неожиданно прискакалъ изъ Закаталь удамый командиръ нижегородскихъ драгуновъ, полковникъ Безобразовъ (*), командовавшій войсками на лезгинской кордонной линіи и управлявшій Джаро-Бѣломанскою Областію. Крайне холодно обошелся онъ съ офицерами, но задушевно благодарилъ нашихъ карабинеровъ за стойкость, за молодецкую штыковую работу въ ночномъ бою и за поддержаніе чести Эриванскаго полка. На другой день, разувнавъ все обстоятельства, предшествовавшія дѣлу 25-го марта, и подробности самаго дѣла, онъ встрѣтилъ насъ, офицеровъ, съ особенною прिवѣтливостію, благодарилъ за отраженіе лезгиновъ и заявилъ, что считаетъ обязанностію ходатайствовать о нашемъ награжденіи. Представленіе объ этомъ было действительно сдѣлано, но почему-то капуло въ вѣчность.... Полковникъ остался недоволенъ только безопасностію рабочихъ и нерѣшительностію штабсъ-капитана Гозиуша.

Гозиушъ былъ не изъ робкихъ, но надѣленъ замѣчательною неровностію характера: то обнаруживалъ крайнюю осторожность и упрямство, то увлекался отчаянною храбростію. На сколько 25-го и 26-го марта 1839 года онъ былъ несомненно - нерѣшительнъ, на столько въ 1844 году, при штурмѣ Элису, командуя батальономъ въ чинѣ майора, онъ выказалъ блистательное мужество (**). За этотъ штурмъ, на которомъ майоръ Гозиушъ былъ раненъ, онъ награжденъ чиномъ и владимірскимъ крестомъ. Впрочемъ, разнѣ дѣйствовать отдѣльно, самостоятельно, подѣ собственною отвѣтственностію, или въ виду начальника и подѣ его руководствомъ.

Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что второй батальонъ карабинеровъ, при расположеніи на лезгинской линіи, укрѣпленія въ Беженянахъ не строилъ (135 стр.), и занимался преимущественно не фронтальнымъ обученіемъ, а прикрытіемъ кахетинскихъ жителей на ихъ садовыхъ и полевыхъ работахъ, участвуя мелкими частями, вмѣстѣ съ минаціонерами, въ поискахъ въ горы, подѣ начальствомъ энер-

(*) Имя генералъ-адъютанта и членъ комитета о раненыхъ.

(**) См. «Исторію Эриванскаго полка» стр. 156.

гическаго и предприимчиваго капитана Эрпа, водившаго насъ, черѣдко по цѣлымъ суткамъ, далеко въ глубь горъ по такимъ трущобамъ - чрезъ которыя проходить въ пору только звѣрю.

Оканчивая этимъ воспоминанія о занятіяхъ второго батальона въ 1839 году, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о характеристикѣ командованія эриванцами барона Врангеля (*) и его преемника Бельгарда (**). Позволю себѣ это на томъ основаніи, что, находясь при баронѣ Врангелѣ полковымъ адъютантомъ, а потомъ бригаднымъ въ кавказской гренадерской бригадѣ (1840—1849) и былъ ближайшимъ свидѣтелемъ его дѣятельности по командованію полкомъ и бригадою. Отчасти знакома мнѣ лично и дѣятельность Бельгарда: по сдѣлѣ полка Врангелемъ, я еще мѣсяцъ состоялъ полковымъ адъютантомъ при Бельгардѣ; въ бытность же мою бригаднымъ адъютантомъ, Бельгардъ въ 1849 году, во время восьмимѣсячнаго отпуски Врангеля, командовалъ бригадою.

Баронъ Врангель, при назначеніи командиромъ полка, былъ не вѣстень не однимъ только строгимъ исполненіемъ службы (стр. 122, часть 2-я), а боевою опытностію въ особенности. Будучи молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, онъ уже участвовалъ въ персидской, турецкой и польской кампаніяхъ, и не при штабахъ отрядовъ, а въ строю. Былъ на штурмахъ Карса, Ахалцыха и Варшавы. Въ рѣдахъ кавказцевъ онъ получилъ подѣ Карсомъ орденъ св. Владимира, подѣ Ахалцыхомъ св. Георгія. При преслѣдованіи въ 1831 году гвардейскаго корпуса всею польскою арміею, онъ находился съ ротою лейбъ-егерей во всѣхъ аріергардныхъ дѣлахъ, въ которыхъ гвардейскіе егеря, искусно маскируясь лѣсною мѣзностию, дѣйствуя ротными колоннами, поддерживаемые Финляндскимъ полкомъ и Финскими стрѣлками, сдерживали далеко превосходявшій ихъ силами непріятельскій авангардъ и стойко отражали въ открытой мѣстности отчаянныя атаки польскихъ улановъ.

Въ теченіе командованія полкомъ, баронъ Врангель заботливо поддерживалъ воинскій духъ въ полку, не попойками, а улучшеніемъ состава офицеровъ, поднятіемъ уровня ихъ образованія, строгимъ соблюденіемъ дисциплины, строгими занятіями, подготовлявшими полякъ къ горной войнѣ.

Какъ старый лейбъ-егерь, сдѣлавшій персидскую и турецкую кам-

(*) Ужѣрши въ сентябрѣ мѣсяцъ текущаго года, Баронъ Карлъ Карловичъ фонъ-Врангель состоялъ при Особѣ Его Величества, генералъ-отъ-инженерія и членъ военнаго совѣта.

(**) Карлъ Александровичъ Бельгардъ умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта и въ званіи начальника дивизіи.

павіи съ кавказскими егерями (*), страстный охотникъ и отличный стрѣлокъ, онъ обращалъ особенное вниманіе на цѣльную стрѣльбу. дѣйствуя разсыпнымъ строемъ и ротными колонами. Преданный душою военному дѣлу, сдержанный, чуждый тщеславія, онъ не любилъ, чтобы офицеръ, безъ настоятельной необходимости подать собою примѣръ, бросался въ дѣлѣ въ рукопашную, только ради удали, оставляя на произволъ свой взводъ или свою роту. Онъ не цѣнилъ такой храбрости и презиралъ храбрость офицера подѣ влияніемъ кипныхъ паровъ. Это испытали на себѣ нѣкоторые офицеры въ экспедиціи 1838 года на восточномъ берегу Чернаго Моря.

Взглядъ барона Врангеля на неумѣстную офицерскую храбрость совпадалъ со взглядомъ Вельяминова: извѣстенъ случай, когда командовавшаго цѣлюю офицера, за то, что онъ, забывъ о своей цѣли, бросился въ рубку съ чеченцами, чтобы выручить юнкера своей роты Урусова, Вельяминовъ отправилъ подъ арестъ, сказавъ: «дѣло офицера наблюдать за солдатами, а не рубиться съ неприятелемъ».

По поводу этого случая, мнѣ пришлось слышать сужденія, что подобную удачу сдѣдуетъ поощрять, а не сдерживать; причемъ указывались примѣры изъ боевой жизни генерала Воинова и прусскаго фельдмаршала Блюхера, носившихся лично въ атаку, первый въ званіи начальника кавалеріи въ арміи Кутузова, въ 1811 году, въ Турціи, а второй—въ званіи главнокомандующаго прусскою арміею, въ 1815 году. Примѣры дѣйствительно громки, но неудачны. Воиновъ лично ходилъ въ атаку, подѣ Рущукомъ, въ тотъ рѣшительный моментъ, когда вся его кавалерія, напропалую, бросилась, по приказанію Кутузова, на турокъ, чтобы остановить успѣхи кавалеріи Бошняка-аги, отчаянно прорвавшейся чрезъ наши каре и заскакавшей намъ въ тылъ: отъ атаки Воинова зависѣла участь сраженія. Блюхеръ же, въ сраженіи при Линьѣ, понесся въ атаку съ шестью эскадронами въ то время, когда его войска, начавшія уступать неприятелю, вслѣдствіе прорыва французами центра пруссаковъ, нуждались въ зоркомъ наблюденіи главнокомандующаго за дальнѣйшимъ ходомъ сраженія и въ быстрыхъ, рѣшительныхъ его распоряженіяхъ. Атака эта была отбита, самъ Блюхеръ, очутившись подѣ своею убитою лошадыю, пролежалъ долго подѣ нею; мимо его проносились французы и пруссаки, а войска его, въ критическіе моменты боя, оставались безъ главнокомандующаго. Хорошо, что у

(*). Чрезъ двадцать пять лѣтъ ему пришлось рубить турокъ, на Чингальскихъ высотахъ, въ 1864 году, съ кавказскими же егерями.

Блюхера былъ такой начальникъ штаба, какъ Гнейзенау. «Храбрость главнокомандующаго отлична отъ храбрости начальника дивизіи и отъ храбрости капитана гренадерской роты». Блюхера, за личное участіе въ упомянутой атакѣ, Вельяминовъ навѣрно бы не похвалилъ....

Баронъ Врангель, признавая вреднымъ и неудобнымъ во многихъ отношеніяхъ, въ боевомъ особенно, разбрасываніе полка по частямъ въ разныя экспедиціонныя отряды, причемъ эти части ускользали отъ непосредственнаго его вліянія, постоянно ходатайствовалъ о назначеніи его батальоновъ въ союкуности подѣ личною его командою, какъ это было въ 1838 году; но ходатайства эти оставались безъ послѣдствій. Впрочемъ, и безъ него, въ его командованіе, гдѣ бы ни были карабинеры, въ Чечнѣ ли, на Лезгинской линіи или въ Дагестанѣ, по отзывамъ отрядныхъ начальниковъ, эриванцы негдѣ поддерживали старую полковую славу, а чрезъ четыре мѣсяца по сдачѣ барономъ полка, на штурмѣ Элиеу (стр. 159), съ новымъ командиромъ Бельгардомъ, карабинеры показали, какой въ нихъ духъ витанъ и какъ они подготовлены къ бою.

При развитіи благосостоянія полка, баронъ Врангель преслѣдовалъ главную цѣль: готовность полка, по первому требованію, двинуться для военныхъ дѣйствій въ полномъ и исправномъ снаряженіи, и въ несчастіи командованіе его полкомъ не было случаев, чтобы какая-либо часть не выступила немедленно по полученіи неожиданнаго приказанія.

Баронъ Врангель любилъ, когда общество собиралось веселиться: домъ его былъ открытъ каждому порядочному офицеру. Онъ допускалъ, въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, и пирушки съ особымъ кавказскимъ отѣнкомъ,—полкъ не монастырь; но не терпѣлъ постоянныхъ кутежей: онъ зналъ примѣры, что стойкіе и трезвые солдаты, съ нетрезвыми офицерами и начальниками, несли въ дѣлахъ огромныя, безполезныя потери и пораженія.

На страницѣ 211-й, части второй, при упоминаніи о крайности, до которой были доведены офицеры бельгардовскими пирушками, есть пробѣлъ. Въ пирушкахъ вообще едва-ли много условій для развитія боевого духа: это не гимнастическія упражненія, не фехтованіе, не стрѣльба въ цѣль, не скачки съ препятствіями, не охота вообще, а на медвѣдей и кабановъ въ особенности. Но когда пирушки имѣютъ мѣсто въ полку съ утра до вечера и съ вечера до утра, когда онѣ получаютъ значеніе удали и какой-то доблести, когда превращаются чуть не въ оргіи, тогда онѣ изиращаютъ, уродуютъ боевой духъ.

Если такой дух блистательно проявился во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ участвовали карабинеры въ командованіе Бельгарда, то это только доказываетъ, какъ глубоко боевой духъ былъ впитанъ въ полкъ предшествовавшими командованію Бельгарда дѣлами и мирномъ, на досугѣ, подготовкою полка къ бою, и какъ щедро самъ Бельгардъ былъ надѣленъ многими неоспоримыми боевыми качествами. Безпрестанныя пирушки въ полку составляли не достоинство, а капитальную слабую сторону Бельгарда. Не одинъ офицеръ, полный молодцомъ силъ и способностей, отъ безпрерывныхъ пирушекъ, безвозвратно разстроилъ здоровье, сошелъ преждевременно въ могилу или отупѣлъ навсегда. Въ числѣ этихъ офицеровъ были родственныя и близкія мнѣ личности.... Какъ послѣдствіе постоянныхъ пирушекъ, въ полку стали проскальзывать нравственныя безобразія, начали образовываться взаимно-враждебныя офицерскія партіи, выказываться рѣзкія нарушения дисциплины; стало попомѣрно усиливаться нелнство между нижними чинами, вовлекавшее ихъ въ разные проступки. Тяжело читать панегирикъ чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ тому, что заслуживаетъ сожалѣнія!

Эта изнанка внутренняго состоянія полка стоила немалыхъ огорченій бригадному командиру. Онъ вынужденъ былъ, секретными предписаніями и конфиденціальными письмами, хотъ нѣсколько сдерживать разгулъ храбраго командира эривандевъ, недумавшаго ни о чемъ кромѣ боя и пирушекъ. «Былъ молодцу не укорь!»

Характерны слова, сказанныя въ 1849 году Бельгардомъ мнѣ, какъ бригадному адъютанту, при вступленіи его въ командованіе бригадою, на время отсутствія Враигеля:—«Распоряжайтесь моими именемъ какъ знаете. Что бы вы ни прислали мнѣ къ подписи—подпишу, не читая: не стану же и своей дворянской головы ломать надъ бумажнымъ хламомъ; но если что-либо озабочаетъ не такъ, я васъ упрячу на гауптвахту». По счастью, на гауптвахту попасть мнѣ не довелось.

Да, командованіе Бельгарда было (стр. 153, часть 2-я) «счастливымъ временемъ» для полка: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ безпрестанныхъ, какъ описано, жаркихъ дѣлахъ, при безпрерывныхъ пирушкахъ, не понести ни разу пораженія—это, дѣйствительно, рѣдкое счастье.

В. Домбровскій

9-го марта 1872 г.
Тяжелая.

СКАЗАНІЕ НЕЙТРАЛЬНАГО ОЧЕВИДЦА

О ГЕРМАНО-ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЙНѢ 1870—1871 ГОДОВЪ.

(Статья вторая) (*).

Geschichte des deutsch-französischen Krieges in den Jahren 1870 und 1871. Nach eigener Beobachtung und nach den besten Quellen bearbeitet von Carl Abani. Leipzig, Wien, Teschen. 1871.

III.

Говорили, будто прусскій главный штабъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ выработалъ планъ французской кампаніи во всѣхъ подробностяхъ, что этотъ планъ хранился въ берлинскомъ военномъ архивѣ, и что въ послѣдній моментъ стоило только взять его оттуда, да разослать приказанія. Абани справедливо опровергаетъ такое мнѣніе; онъ говоритъ, что прусскій операціонный планъ не былъ и не могъ быть опредѣленъ положительнымъ образомъ до послѣдняго момента его исполненія, и что, напротивъ, прусаки строго слѣдовали непреложному правилу — *дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ*. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію; что такое систематическое войсковое начальство, какъ прусское, не пренебрегло работою своихъ и чужихъ силъ, т. е. подготовкою необходимыхъ актовъ кампаніи, операціонныхъ картъ, мѣръ, нужныхъ для ознакомленія съ театромъ войны и т. п. Въ этомъ смыслѣ и должно понимать вкладъ въ прусскій военный архивъ не плана кампаніи, а матеріаловъ для него (**). Быстрота распоряженій при началѣ войны

(*) См. «Военный Сборникъ» 1872 г. № 10.

(**) Вѣрность мнѣнія Абани нѣсколько подтверждается описаніемъ войны 1870—1871 г., составленнымъ при военно-историческомъ отдѣленіи прусскаго главнаго штаба. Въ первомъ выпускѣ сказано: «Ни одинъ операціонный планъ не можетъ опредѣлить съ точностію первую столкновеніи съ главными силами непріятеля. Только люди, чуждые военнаго дѣла, думаютъ видѣть, въ продолженіе кампаніи, заранее установленное проведеніе первоначальнаго плана, выработаннаго до мельчайшихъ подробностей и до конца выдержаннаго. Полководцы, конечно, всегда будутъ имѣть въ виду свои великія цѣли, но смущаясь измѣняющимися событіями; но тѣ пути, которыми онъ видѣется достигнуть великихъ цѣлей, никакія не могутъ быть вѣрно предусмотрены заранее» (стр. 72 и слѣдующія). Въ другомъ мѣстѣ говорится: «Къ видчимъ генеральнаго штаба въ мирное время принадлежить: выработать самымъ подробнымъ образомъ, для всякаго вѣроятнаго случая случайностей войны, группированіе и перемѣну войскъ, и заранее приготовить для того проекты. Мольте составлялъ предварительную зимнюю

зависитъ отъ того, чтобы всё, отчасти хлопотливо-мелочный, приготовленія были сдѣланы заранее, въ мирное время, при ненарушенномъ умственикомъ равновѣсіи. А дѣйствовать по обдуманному во всѣхъ подробностяхъ и опредѣленному операционному плану прусаки не могли уже потому, что для того не доставало перваго условія: зная намѣреній противника и увѣренности, въ какой именно мѣрѣ могли быть доведены до конца вооруженія, т. е. чтобы имъ не помѣшало открытіе французами наступательныхъ операций. Мало того: въ тѣ дни самоувѣренность и несомнѣнность побѣды были въ правительственныхъ кружкахъ Пруссіи несравненно слабѣе, нежели какъ можно было заключить по слѣдовавшимъ событіямъ.

Еще 20-го (8 го) іюля прусское правительство обнародовало въ своемъ органѣ, «Провинціальной Корреспонденціи»:

«Вооруженія въ Пруссіи и во всей Германіи подвигаются впередъ съ спокойствіемъ, съ увѣренностію, и съ живымъ рвеніемъ, и въ непродолжительномъ времени будутъ доведены до того, что нѣмецкія арміи могутъ смѣло выступить и для обороны, и для наступленія.

«Вооруженія во Франціи, издавна подготовленные, хотя и подавились, въ настоящую минуту, дальше нашихъ, однако этотъ перевѣсъ, благодаря превосходной организаціи нашихъ военныхъ силъ, вѣроятно уравнивается въ весьма скоромъ времени.

«Очень возможно, что французы постараются воспользоваться своимъ минутнымъ преимуществомъ для пріобрѣтенія временныхъ дешевыхъ успѣховъ; но такіе успѣхи едва ли повліяютъ на общій ходъ предстоящей войны.

«И въ этомъ отношеніи, нѣмецкій народъ имѣетъ право вполнѣ рассчитывать на предусмотрительность и заботливость главнокомандующаго и его совѣтниковъ...»

Подобное офиціозное извѣщеніе свидѣтельствуетъ, что прусское правительство не вполнѣ было убѣждено въ безпрятственномъ окончаніи своихъ стратегическихъ распоряженій и съ полувѣренностію ожидало открытія французами наступательной войны. Изъ того же извѣщенія видно, что въ Пруссіи, какъ и вездѣ, находясь подъ впечатлѣніемъ смѣлаго тона французскаго правительства, преувеличивали

1868—1869 года, и на основаніи этой-то записки была начертана самая операционный планъ. Заключающіяся въ ней предположенія, соображенія и мнѣнія Мольтке осуществились блестящимъ образомъ при открытіи войны въ 1870 году.

степень готовности Франціи къ войнѣ. Слова Наполеона, обращенныя 18-го (6-го) іюля къ директору восточной желѣзной дороги въ Парижѣ: «благодарю васъ за усердіе, употребленное вами въ послѣднія дни предѣлы по отправкѣ войскъ, и ожидаю подобнаго же рвенія и распорядительности и на остальное время кампаніи»—эти слова, немедленно переданныя по телеграфу въ Берлинъ, нашли здѣсь не меньшую, какъ и въ другихъ мѣстахъ, вѣру.

Какіе же шансы имѣла на своей сторонѣ французская инициатива?

Уже было замѣчено, что быстрое движеніе французовъ къ верхнему Майну могло бы имѣть весьма опасныя послѣдствія для соединенія южно и сѣверо-германскихъ войскъ. При Лаутербургѣ было легко форсировать переправу черезъ Рейнъ, разстроить въ самомъ началѣ расположеніе баденскихъ, вюртембергскихъ и баварскихъ войскъ и тѣмъ произвести такое моральное давленіе на государство южной Германіи, что тогда, быть можетъ, нельзя было бы и рассчитывать на скорое и полезное содѣйствіе ихъ. На этомъ пути французы не встрѣтили бы и значительныхъ препятствій. Они вступили бы въ богатую землю рейнской и майнской долины, обошли бы оборонительную линію прусаковъ между Кельномъ, Кобленцомъ и Майнцемъ, слѣдовательно, могли бы воспользоваться, въ политическомъ смыслѣ, столь выгодными для наступленія условіями своей восточной границы на верхнемъ Рейнѣ... Все указывало на такое движеніе: Лаутербургъ отстоитъ отъ Парижа только на 50—60 миль, Триръ напротивъ, и сборное мѣсто прусской арміи на среднемъ Рейнѣ удалено отъ Берлина, равно и отъ Дрездена, на 60—80 миль; отъ восточной Пруссіи, Помераніи, Познанн, Силезіи, Шлезвигъ-Гольштейна и т. д., даже на 100—120 миль. Такимъ образомъ, сила, предназначенная для быстраго наступленія и для парализованія союзниковъ, могла быть двинута въ предѣлы Германіи гораздо скорѣе, чѣмъ были бы готовы къ дѣйствию опредѣленные для отпора нѣмецкія арміи въ ихъ сборномъ пространствѣ на пфальцской границѣ.

И такъ, если французы сознавали численный перевѣсъ всей германской арміи, если они составили себѣ ясное понятіе о моральныхъ и физическихъ послѣдствіяхъ соединенія южно-германскихъ войскъ съ сѣверо-германскими, то и спасеніе свое должны были искать только въ немедленномъ наступленіи, въ неожиданнымъ вторженіи.

Подобныя соображенія не могли не представляться и пруссакамъ, и потому они ожидали переправы французовъ черезъ Рейнъ, самое позднее, 18-го (6) іюля или при Кельѣ, или при Лаутербургѣ, или у обоихъ этихъ городовъ.

Послѣ того, какъ части французской арміи подверглись первымъ сокрушительнымъ ударамъ, и самоувѣренность французскихъ военачальниковъ была поколеблена. Авторъ неоднократно слышалъ высказываемое французами убѣжденіе, что наступательныя дѣйствія повлекли бы за собою гибель арміи и потерю кампаніи, потому что, какъ обнаружилось, организація французской арміи не доросла до организаціи нѣмецкой; боевыя средства были плохи, словомъ, во всякомъ случаѣ, было бы немыслимо атаковать съ успѣхомъ противника на его собственной территоріи, гдѣ, кромѣ арміи, встрѣтились бы и другія препятствія, которыя обороняющійся, пользуясь своими вспомогательными источниками и переважнѣею обороной, вообще можетъ противопоставить атакующему.

Абани не раздѣляетъ этихъ доводовъ, но, опираясь на характеръ французской и прусской арміи, выражаетъ мнѣніе, что единственно мыслимый успѣхъ для французовъ лежалъ именно въ наступленіи. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ ссылается на кампанію 1866 года, когда пруссаки, быстро вторгнувшись въ Германію, болѣе устрашили, чѣмъ удержали отъ полезнаго содѣйствія нерѣшительныхъ союзниковъ Австріи—удержали преимущественно моральнымъ впечатлѣніемъ. «Должно думать», говоритъ авторъ, «что постепенно разгоравшееся лѣтомъ 1870 года южно-германское воодушевленіе остыло бы послѣ внезапнаго появленія французовъ, и правительства, увлеченныя выгодными и почетными мирными условіями, согласились бы на сдѣлку съ Франціей тѣмъ охотнѣе, что могли бы пріобрѣсти противовѣсъ направленному на нихъ верховную власть прусскому вліянію, и вообще потому, что виды и рѣшенія въ дѣлахъ политическихъ всегда склоняются на сторону той державы, которая вліяетъ на нихъ, или дѣйствуетъ принудительно, открытыми или искусно замаскированными насильственными средствами. Наконецъ тотъ, кто дѣйствуетъ смѣлѣе и рѣшительнѣе, обыкновенно обезпечиваетъ за собою успѣхъ и сочувствіе».

Абани признаетъ труднымъ опредѣлить мотивы медлительности французовъ. То обстоятельство, что вооруженія еще не были кончены, онъ не считаетъ достаточною причиною, потому что и дальнѣйшая оборонительная борьба была ведена, болѣею частью, лишь съ выходящими на мирномъ положеніи кадрами. Въ дѣйствительности, планъ войны французовъ основывался на вторженіи, чему неопровержимымъ доказательствомъ служитъ предначертанное раздѣленіе боевыхъ силъ на двѣ арміи, изъ которыхъ одна, назначенная для демонстрацій и для прикрытія дѣйствій другой, собрана была, подѣ

начальствомъ Базена, между Мецомъ, Сабрюкеномъ, Нанси и Бичемъ, а другая, подѣ командою Макъ-Магона, имѣла задачею вступить въ долушу Рейна.

Пруссаковъ озабочивала, кромѣ возможнаго помѣшательства ихъ стратегическимъ мѣрамъ, и угроза диверсій съ сѣвера. Тамъ, особенно въ Ганноверѣ и въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, былъ не одинъ удобный пунктъ. Конечно, и здѣсь проявилось воодушевленіе къ поддержанію общаго дѣла Германіи, но оно было не всеобщее, и неудовольствіе значительной партіи противъ прусскаго главенства не осталось бы безъ послѣдствій, если бы французамъ удалось поддержать взрывъ его флотомъ и привлечь къ себѣ датчанъ.

Такъ ли, иначе ли, сущность дѣла въ томъ, что быстрота наступленія и окончаніе вооруженій были важнѣйшимъ моментомъ для обѣихъ сторонъ. Если бы пруссаки успѣли собрать хотя часть своей громадной силы на границѣ, то они могли быть увѣрены, что парализуютъ всякое дѣйствіе Франціи, ибо чрезъ своихъ агентовъ знали въ точности все, что дѣлалось въ предѣлахъ французской территоріи.

А коль скоро они могли допустить, что не будутъ потревожены въ своихъ приготовленіяхъ къ войнѣ, то въ любой данный моментъ имѣли возможность расположить свои силы и для самой упорной обороны, и для энергичнаго наступленія.

Принимая численность всей дѣйствующей арміи пруссаковъ въ 425 батальоновъ, 356 эскадроновъ, 1,452 полковыхъ орудій, или въ 612,474 человека, а собственно боевой штатъ въ 438,452 человека, 56,203 лошади, авторъ замѣчаетъ, что эти цифры, говоря вообще, немного возвышались въ теченіе войны, такъ какъ подходившіе ландверы употребляемы были въ дѣйствіе лишь наименьшею частію. Съ другой стороны, данныя цифры нигдѣ и никогда не уменьшались, потому что убыль отъ сраженій и отъ болѣзней, господствовавшихъ уже съ августа, пополнялась резервами немедленно, на столько, что составъ ротъ и эскадроновъ оставался почти всегда полнымъ. Только съ октября, когда перѣдко приходилось отсылать ежедневно отъ пяти до шести тысячъ больныхъ и неспособныхъ къ службѣ, составъ ротъ уменьшился, ибо три резервыя арміи, возмѣщенные съ такимъ шумомъ, заключали въ себѣ не 240,000 человекъ, какъ предполагалось, а около 6,000, да и то, быть можетъ, онѣ не достигали подобной цифры.

Ожиданія французскаго вторженія не могло, въ извѣстномъ смыслѣ, не дѣйствовать неблагоприятно на стратегическія движенія нѣмецкихъ войскъ. Конечныя пункты желѣзно-дорожнаго транспорта

надлежало отодвигать отъ границы такъ далеко, что французы, если бы рѣшились наступать, могли бы достигнуть ихъ во столько же времени, сколько было нужно для сбора тамъ достаточной для отпора силы. Вслѣдствіе этого, положеніе дѣлъ измѣнялось съ каждымъ часомъ. Расположенные на границѣ отряды, въ особенности кавалеріи, усердно старались собирать свѣдѣнія о французахъ и почти ежечасно извѣщали о своихъ наблюденіяхъ, содержаніе которыхъ состояло, большею частію, въ томъ, что французы дѣлали малые детальные переходы въ предѣлахъ своего расположенія, или что они пребывали неподвижно въ своихъ лагеряхъ. На основаніи получаемыхъ извѣстій, пруссаки могли послѣдовательно приближать на одинъ дневной маршъ конечные пункты желѣзно-дорожнаго транспорта.

«Но такого рода желѣзно-дорожный транспортъ мыслимъ только при опредѣлительности распоряженій, при безукоризненномъ взаимно-дѣйствіи всѣхъ факторовъ, при строго-точной службѣ управленій желѣзныхъ дорогъ, штабовъ и войскъ. Послѣдствія показали, что эта часть была устроена образцово. Арміи собиравшеся первоначально при Трирѣ, впереди Майнца, и на обоихъ берегахъ Рейна вокругъ Мангейма, и головы ихъ двигались постепенно, по мѣрѣ прибывавшихъ подкрѣпленій».

Такъ какъ всѣ желѣзныя дороги были включены въ комбинацію перевозокъ и ни одному корпусу не предоставлялась извѣстная линія, напротивъ, войска самыхъ различныхъ корпусовъ были перевозимы, тотчасъ по окончаніи своей мобилизаціи, отчасти по случайнымъ, отчасти по предназначеннымъ заранѣе окольнымъ дорогамъ; такъ какъ поздне подходившіе корпуса всегда вдвигались въ первую линію, и какъ это продолжалось даже въ то время, когда уже даны были первыя сраженія, то, разумѣется, французскіе лазутчики доставляли лишь весьма неточныя извѣстія. Вотъ почему французскіе военачальники не имѣли возможности сообразить даже приблизительно расположеніе частей арміи противника.

Впечатлѣніе, произведенное на французовъ такими мѣрами, мнѣнія, высказанныя ими на основаніи доставлявшихся лазутчиками вѣстей, свидѣтельствуютъ о крайней поверхностности французскихъ сужденій. Французы рассказывали о «величайшей путаницѣ въ движеніяхъ пруссаковъ» и немало хлопотали о томъ, чтобы французскимъ корпусамъ съ самаго начала предоставлялась всегда исключительно одна и та же желѣзно-дорожная линія. Они и не подумали, что давали тѣмъ прусской главной квартирѣ возможность получать весьма подроб-

ныя свѣдѣнія о своей арміи, ибо формировавшіеся на границѣ корпуса стояли по предѣламъ бездѣйствительно на своихъ капонирь-квартирахъ.

«Болѣе нежели при какой-либо другой формѣ введенія войны, опасно, при оборонѣ, раскрывать неприятелю собственное, да, вдобавокъ, ошибочное расположеніе. Если бы наступленіе было предпринято своевременно, то первоначальное раздробленіе силъ, при послѣдующемъ быстромъ сосредоточеніи ихъ на рѣшительныхъ пунктахъ, ввело бы противника въ обманъ. Но расположеніе, рассчитанное на наступательныя дѣйствія и удержанное несмотря на отреченіе отъ нихъ, было самое худшее, какое только можетъ быть придумано для обороны».

Пруссаки знали такимъ образомъ, что главныя силы французовъ развивались насупротивъ прусскаго Саара, между тѣмъ какъ корпусъ Макъ-Магона, почти изолированный сѣверными отрогами Вогезовъ, стоялъ въ Эльзасѣ, а корпусъ Феликса Дуэ на верхнемъ Рейнѣ еще формировался.

Здѣсь авторъ останавливается на вниманіе на дняхъ мобилизаціи, начала перевозокъ по желѣзнымъ дорогамъ и окончанія стратегическаго движенія нѣмецкихъ войскъ, какъ на предметъ, имѣющемъ «преобладающій интересъ для тѣхъ государствъ, которыя намѣрены испытать систему всеобщей воинской повинности».

Извѣстно, что мобилизація началась въ сѣверо-Германіи 15-го (3-го), въ южной 16-го (4-го) іюля. Съ 23-го іюля, всѣ желѣзныя дороги отъ Берлина до Франкфурта и отсюда въ Пфальцъ были, большею частію, закрыты для обыкновеннаго по нимъ движенія. Слѣдовательно, въ это время прибытіе отпусковыхъ и резервистовъ уже было окончено и полки поставлены на военное положеніе меньше нежели въ восемь дней. Слѣдуетъ упомянуть, что на всѣхъ станціяхъ сосѣднихъ владѣній были учреждены особыя военные комисіи, отъ которыхъ собиравшіеся массами отпусковые и резервисты немедленно получали указанія, такъ что многіе изъ нихъ избавлялись отъ далекаго пути въ своимъ дѣло и съ большою экономіей времени могли слѣдовать прямо къ мѣстамъ своего назначенія. Весьма замѣчательно также, что кадры нигдѣ не приводились въ движеніе, но повсюду были на самомъ мѣстѣ комплектуемы, формируемы и организуемы, прежде чѣмъ ихъ передавали въ транспорты войскъ, чѣмъ устранены были многіе безпорядки и замѣшательства въ движеніи по желѣзнымъ дорогамъ, встрѣчавшіеся въ другихъ государст-

нахъ при приготовленіяхъ къ войнѣ. «Опытъ показалъ, что формируемыя части могутъ быть перевозимы по желѣзнымъ дорогамъ съ гораздо меньшими помѣхами, съ меньшею потерею времени и съ меньшими замедленіями, нежели команды резервистовъ и отпускныхъ, между которыми трудно поддерживать дисциплину, чѣмъ въ большихъ частяхъ, обставленныхъ полнымъ служебнымъ аппаратомъ».

Начиная съ 23-го іюля, отходили ежедневно отъ двадцати до тридцати поѣздовъ изъ Дармштадта въ Мангеймъ, столько же двойныхъ поѣздовъ изъ Ашафенбурга въ Вормсъ, Мангеймъ, Майнцъ и Бингенъ. Корпусамъ третьей арміи, равно и первой, предстоялъ, относительно, болѣе дальній путь къ театру войны; почти вся линія Берлинъ - Ульмъ - Штутгартъ - Брухзалъ и Вюрцбургъ - Ашафенбургъ - Дармштадтъ была употреблена для перевозки войскъ третьей арміи, такъ что около 25-го іюля они отчасти уже собрались въ окрестностяхъ Гермерсгейма и Ландау. 1-го августа третья армія прибыла на границу готовою къ бою и вполне организованною. Вторая армія (принца Фридриха-Карла) была перевезена по линіямъ Берлинъ-Лейпцигъ-Фулда-Майнцъ, Берлинъ-Магдебургъ, Ганноверъ-Майнцъ, Бингенъ-Крейцихъ. Первая армія (Штейнмеца) двигалась отъ Кельна по неоконченной еще вѣльнъ-трисской линіи къ Калле, а отсюда слѣдовала пѣшкомъ къ Триру.

Мобилизація германскихъ армій, на сколько можно согласовать между собою противорѣчивыя отчасти показанія, продолжалась десять или одиннадцать дней, съ 16-го по 26-е іюля; стратегическое же вступленіе въ линію Триръ-Ландау тринадцать или четырнадцать дней. «Такой скорости не было до сихъ поръ достигнимо ни въ одну кампанію: это доказываетъ, какія обширныя приготовленія къ войнѣ сдѣланы были заранѣе. Несомнѣнно, что весь боевой матеріалъ, хранимый другими государствами въ арсеналахъ или въ иныхъ складахъ, въ Пруссіи и въ южной Германіи находился вполнѣ готовымъ, въ мѣстахъ пребыванія корпусныхъ командировъ. Подобный способъ мобилизаціи и прусскій методъ дислокаціи армій и ея боевыхъ средствъ должны быть приняты за образецъ всѣми государствами, если тому не мѣшаютъ какія-либо особаго рода условія».

Что касается стратегическихъ приготовленій французовъ, то, по скудости имѣющихся объ этомъ предметѣ источниковъ, авторъ старался лишь привести въ связь всѣ тѣ данныя, о которыхъ уже не разъ было говорено въ разныхъ статьяхъ «Военнаго Сборника». Абани, вмѣстѣ съ другими историками, подтверждаетъ безпорядочность, оплошность, легкомысліе и медленность французской военной

администраціи. Види бездѣйствіе французовъ, нѣмецкіе посланцы съ каждымъ днемъ становились самоувѣреннѣе; 29-го іюля они узнали, что французская армія не можетъ быть готовою раньше 10-го августа, а наступательныя дѣйствія не послѣдуютъ раньше 15-го августа.

Авторъ не беретъ на себя рѣшеніе вопроса: происходила ли медленность Наполеона, относительно открытія серьезныхъ военныхъ дѣйствій, отъ того, что онъ хотѣлъ дожидаться укомплектованія 116 резервныхъ батальоновъ и 62 эскадроновъ-депо, еще сформировавшихся, усиленія своего базиса и снабженія продовольствіемъ крѣпостей; или причиною были безпорядочность и неправильность хода вообще приготовленій къ войнѣ, а по нѣкоторымъ показаніямъ даже личный препирательства между Макъ-Магономъ и Лебефомъ. До сихъ поръ ни одна изъ этихъ догадокъ не подтвердилась несомнѣнными доказательствами. «А еще непонятнѣе», прибавляетъ Абани, «и для тактика, и для стратега является идея, побудившая Наполеона открыть непріязненныя дѣйствія нападеніемъ на Саарбрюкенъ. Это рѣшеніе было принято на большомъ военномъ совѣтѣ 30-го іюля въ Мецѣ. Саарбрюкенъ имѣлъ значеніе только въ томъ случаѣ, если бы имъ воспользовались какъ опорною точкою быстрого вторженія въ Пфальцъ. Можно предполагать, что Наполеонъ, желая начать наступленіе съ праваго фланга, форсировалъ линію Саара только съ цѣлію ввести противника въ обманъ на счетъ своихъ плановъ и побудить нѣмцевъ къ вредному для нихъ сбору силъ на ихъ правомъ флангѣ. Но какъ эта цѣль не осуществилась и вслѣдъ за дѣломъ при Саарбрюкенѣ ничего предпринято не было, и какъ, кромѣ того, ударъ былъ направленъ противъ ничтожной силы, то побѣдное ликованіе, возбужденное во Франціи ударомъ по воздуху, достойно посмѣянія».

Абани приводитъ помѣщенную въ прусскомъ «Государственномъ Указателѣ» статью о событіяхъ подъ Саарбрюкеномъ, не потому, что бы признавалъ ее безусловно-правдивою, но потому, что она даетъ единственное связное описаніе тамошнихъ происшествій, которыя иначе должны были бы остаться рѣшительно непонятными (*). «Если статья официальной газеты говоритъ правду», замѣчаетъ авторъ, «то императоръ Наполеонъ, атаковавъ значительною частью своей арміи слабыя форпосты, представилъ тѣмъ доказательство своего невѣроятно-поверхностнаго знанія о расположеніи противника; или же должно допустить еще худшую догадку, а именно ту, что Наполеонъ

(*). Писано до выхода въ свѣтъ книги прусскаго генеральнаго штаба.

имѣлъ въ виду исключительно военно-театральное зрѣлище, долженствовавшее поднять моральный элементъ его арміи».

Вслѣдъ за прусскимъ описаніемъ дѣла при Саарбрюкенѣ помѣщено официальное французское извѣстіе, посланное въ Парижъ секретаремъ Наполеона министру внутреннихъ дѣлъ, и широкообъяснительное донесеніе генерала Фросара о ничтожномъ дѣлѣ, въ которомъ, по донесѣю Наполеона къ Евгени, участвовали будто бы двадцать тысячъ прусаковъ.

Авторъ говоритъ: «Если французское донесеніе о дѣлѣ при Саарбрюкенѣ и о взятіи этого городка, особенно же относительно силы непріятеля и сопротивленія будто бы имъ оказаннаго, хвастливо и ложно, то и официальное прусское извѣщеніе не вполне отвѣчаетъ правдѣ. Есть безхитростное сказаніе совершенно посторонняго, не-военнаго, очевидца, представляющее иначе веденіе боя прусскимъ отрядомъ».

По словамъ этого очевидца, никакого серьезнаго сопротивленія прусаками оказано не было; напротивъ, три стоявшія въ первой линіи роты, тотчасъ же по открытіи французскаго огня, отступили «въ безпорядочномъ бѣгствѣ» (in wilder Flucht) чрезъ саарбрюкенскій эзерциръ-плацъ, и «одна рота прикрывала это отступленіе продолжительнымъ бездѣйственнымъ стояніемъ на мѣстѣ». Въ тотъ моментъ, когда по Саарбрюкену былъ открытъ артиллерійскій огонь, войска уже отступили; слѣдовательно, городъ былъ зажженъ больше эффекта ради, нежели по какой-либо военной необходимости. Когда началось дѣло, седьмой и восьмой корпуса стояли въ полной готовности между Мерингомъ и Сипптъ-Венделемъ; кромѣ того находились значительныя силы въ Саарлуи и въ Нейкирхенѣ. «Если же прусаки не оставили въ Саарбрюкенѣ достаточнаго гарнизона и не пришли на помощь городу, то, вѣроятно, уже заранее было предположено отдать французамъ этотъ пунктъ переправы черезъ Сааръ, а между тѣмъ официальное объявленіе было, по-видимому, только средствомъ ослабить дурное моральное впечатлѣніе, произведенное на войска и на народъ первымъ успѣхомъ французамъ».

«Такимъ образомъ, неправда теперь, какъ и въ теченіе всей кампаніи, служила военнымъ средствомъ для обѣихъ сторонъ».

«Если принять во вниманіе» — продолжаетъ авторъ — «то угнетенное настроеніе духа, которое, вслѣдствіе занятія французами Саарбрюкена, обнаружилось въ южной Германіи и которое поспрянуло опять при вѣсти о побѣдахъ вейсенбургской и вѣртской; если вспомнить, какъ южно-германскія области страшилась ожидаемаго вторженія «африканскихъ ордъ», то хотя и нельзя одобрить официальнаго

искаженія фактовъ, однако должно признать его весьма практичнымъ».

Абани упоминаетъ далѣе о событіи, взволновавшемъ весь Парижъ, имело о пресловутой биржевой телеграммѣ, которая, какъ онъ выражается, была отваживае и обильнае послѣдствіями, чѣмъ знаменитая татарская почта въ крымскую войну. Сатирическіе парижане еще не отрезвились отъ чада мнимой великой побѣды при Саарбрюкенѣ, какъ вдругъ, утромъ 6-го августа, разнесся слухъ о полученіи изъ Лондона донесенія, возвыщавшей не только о блистательной побѣдѣ, но и о рѣшительномъ истребленіи прусаковъ. Говорили, будто армія кронпринца была атакована враслохъ, близъ Лапдау, соединенными корпусами Базена и Манъ-Магона, окружена и, въ буквальный смыслъ, перебита; будто французамъ достались двадцать пять тысячъ плѣнныхъ и восемьдесятъ орудій, а принцъ прусскій, тяжело раненый, взятъ въ плѣнъ... Замѣчательно впрочемъ, что французская фантазія, хотя и отуманенная ложною биржевою телеграммою, осталась, однако, въ гораздо болѣе скромныхъ предѣлахъ, чѣмъ при совершившихся вконецъ затѣмъ противоположныхъ фактахъ. Между тѣмъ, эти фальшивыя извѣстія, пущенныя въ ходъ корыстолюбивыми биржевиками, много повредили правительству, такъ какъ, вслѣдствіе радостнаго настроенія всѣхъ умовъ, донесенія объ истинномъ положеніи дѣлъ нашли весьма воспримчивую почву и повсюду распространили уныніе. Люди порядочные, разсудительные, укоряли правительство, что, своею неумѣстною скрытностью, оно довело потеряннаго народа до опасной границы, и требовали, чтобы впечатлительная масса народа была правильно и постоянно извѣщаема о военныхъ событіяхъ, на сколько то позволяли условія тайны. Парижская же чернь воспользовалась возбужденнымъ состояніемъ умовъ въ другомъ смыслѣ: уже въ это время социалистская партія подняла голову, по, благодаря еще крѣпкой тогда общественной власти, ограничилась демонстраціями, касавшимися, въ сущности, низшихъ классовъ, хотя и направленными противъ мнимыхъ прусскихъ шпионовъ.

IV.

Приступая къ описанію наступательныхъ дѣйствій прусаковъ, Абани говоритъ, что, въ дни ихъ открытія, силы пѣнцевъ простирались приблизительно до 360,000 человекъ, а французовъ до 160,000 человекъ. О сраженіи при Вейсенбургѣ онъ сообщаетъ официальное прусское донесеніе, прибавляя, что это донесеніе, какъ и всѣ прусскія реляціи *перваго* періода войны, можетъ быть назва-

по «образцовымъ» по своей наглядности, ясности и правдивости, и что, только въ позднѣйшія фазы войны, допускались нѣрѣдко искаженіе и умолчаніе фактовъ.

До момента открытія пруссаками наступательныхъ дѣйствій, вся Германія боязливо взирала на событія по ту сторону Рейна и ждала неминуемаго вторженія французовъ въ Цфальцъ. Послѣ того, какъ, въ теченіе первыхъ двухъ недѣль войны, люди военные и не-военные не знали что и подумать о бездѣйствіи французовъ и считали невозможнымъ своевременное окончаніе приготовленій пѣмцевъ, вдругъ оказалось, что Наполеонъ былъ обреченъ на оборону не только собственною волею, но и силою фактовъ... Въ то время неоднократно слышались упреки, что наступленіе кронпринца прусскаго было предпринято рано. Говорили, что третья армія не можетъ приобрести никакого успѣха въ Вогезахъ; что въ движеніи своемъ она будетъ задержана крѣпостями и партизанскою войною; что всѣ удары, которые она могла бы нанести въ этихъ восточныхъ частяхъ театра войны, имѣли бы болѣе моральный, чѣмъ стратегическій вѣсъ. Прибавляли, что такъ какъ кронпринцъ стоялъ на оборонительномъ крылѣ пѣмцевъ, и такъ какъ главнаго удара имъ надлежало ожидать не на Лаутерфъ, а на Сааръ, то легко могло случиться, что французы, отложивъ до времени возмездіе за Вейсенбургъ, перебросятъ всѣ свои силы на линію Саара...

Такие упреки, по словамъ автора, были вызваны незнакомствомъ тогдашнихъ обстоятельствъ. Главное начальство третьей арміи успѣло, конечно, собрать свѣдѣнія о недостаточности тѣхъ силъ, которыя оно могло бы встрѣтить; кромѣ того, этотъ первый шагъ не былъ изолированнымъ, по соображенъ съ движеніемъ къ Форбахъ-Шпихорену. Вообще, въ продолженіе всей кампаніи, пруссаки руководствовались *равномернымъ* наступленіемъ частей, которыя, то ускоряя, то замедляя свое движеніе, заботились, быть можетъ, слишкомъ много о томъ, чтобы не выходить изъ предѣловъ фронтальнаго наступленія—«методика, хотя и совершенно чуждая гениальности, тѣмъ не менѣе кажушаяся единственно-пригодною для того, чтобы вѣрнѣе обезпечить себя отъ неожиданныхъ затрудненій двигать столь большими боевыми силами»... «Въ прусскомъ офиціальномъ объявленіи сказано, что заботились преимущественно предохранить армію отъ пораженія по частямъ. Это легко понять. Малѣйшій беспорядокъ, ничтожное заищательство, столкновеніе частей въ трудно-управляемомъ аппаратѣ имѣли бы чрезвычайно дурныя послѣдствія для хода военныхъ дѣйствій, и самое позначительное препятствіе, противопостав-

ленное хорошо-соображеннымъ планамъ однимъ изъ тѣхъ гениальныхъ маневровъ, до которыхъ, на этотъ разъ, французскіе военачальники не доросли, могло бы быть источникомъ большой бѣды».

Что до угрожавшаго сосредоточенія французовъ на Саарѣ, то пруссаки, во всякомъ случаѣ, знали о раздробительномъ расположеніи французскихъ корпусовъ, сдѣлавшемъ возможнымъ предпріятіе кронпринца.

Была и еще важная причина, побуждавшая послать въ огонь армію кронпринца при самомъ началѣ, а именно: подѣйствовать ожидаемымъ благоприятнымъ исходомъ боя на южно-германскія государства. Тотчасъ послѣ сраженія при Вейсенбургѣ, всѣ прусскія газеты выразили въ одинъ голосъ свою радость о томъ, что въ этотъ день скрѣпленъ былъ германскій боевой союзъ, и потому уже съ 4-го августа пруссаки перестали опасаться за ненадежность полученія южно-германскихъ вспомогательныхъ континентовъ.

Подробности вейсенбургскаго боя раскрыли пѣмцамъ многое. Оказалось, напримѣръ, что форпостная служба была отправляема французами крайне небрежно, такъ какъ баварскій корпусъ засталъ врасплохъ дивизію Дуэ, едва успѣвшую схватить ружья; узнали также, что присущее нѣкогда французскимъ генераламъ свойство—идти по направленію пушечныхъ выстрѣловъ, вымерло, ибо прочія дивизіи корпуса оставались далеко отъ поля сраженія. Конечно, причиною тому было ихъ отдаленное расположеніе, но это именно и доказывало безпечность французовъ и отсутствіе стратегически-вѣрныхъ правилъ, воспрещающихъ приносить въ жертву разсѣяанныя силы при атакѣ со стороны численно-превосходнаго противника. Иначе поступили пѣмецкіе военачальники: хотя бой при Вейсенбургѣ самъ по себѣ былъ незначителенъ, но задача стратегіи—являлся съ численнымъ перевѣсомъ на пунктахъ, которыми надобно овладѣть, была рѣшена здѣсь болѣе нежели вполнѣ. Тактическому веденію боя французами прусская офиціальная реляція отдала справедливость. Уронъ, понесенный пруссаками, и самая продолжительность сопротивленія чрезвычайно неравнымъ силамъ ихъ свидѣтельствуютъ впрочемъ, что первый разгромъ французовъ являеть, въ смыслѣ моральнаго элемента сражавшейся части, одинъ изъ блистательнѣйшихъ подвиговъ въ эту кампанію, доказывая, что здѣсь, какъ и въ большинствѣ позднѣйшихъ случаевъ, вина падаетъ не на армію, а на ея неспособныхъ начальниковъ.

Послѣ вейсенбургскаго сраженія, пруссаки имѣли причины рассчитывать на благоприятный для нихъ ходъ дѣлъ: вооруженія были кон-

честь весьма быстро, стратегическое движение могло быть исполнено не на Рейнъ, какъ предполагалось, а на крайней границѣ, и, наоборотъ, ошибки противника, не говоря уже о его медлительности, передали инициативу въ руки немцевъ. Даже французскій флотъ, дѣйствій котораго такъ страшилось прибрежное население морей Нѣмецкаго и Балтійскаго, оказался несостоятельнымъ и позволилъ пруссакамъ записаться обороною гаваней и береговъ.

Авторъ разъясняетъ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ послѣдовало столкновение при Вейсенбургѣ, и старается рѣшить вопросъ: какъ могло французское главное начальство, по-видимому очертя голову, пожертвовать изолированную частію превосходному въ силахъ противнику? Убѣдившись въ невозможности начать наступленіе прежде 15-го августа и осуществить свой странный планъ—направить армию Базена противъ чрезвычайно сильной линіи Рейна, а армию Макъ-Магона перебросить чрезъ Рейнъ при Ландау—оно приказало Макъ-Магону придвинуться, съ подчиненными ему войсками, какъ можно скорѣе отъ Страсбурга къ Бичу, чтобы тамъ войти въ связь съ корпусомъ Фальи и тѣмъ избѣгнуть опасности быть отрѣзаннымъ отъ главныхъ силъ и отброшеннымъ къ Страсбургу.

«Событія доказали кровавою логикою, что это распоряженіе, вполнѣ рациональное, опоздало».

По наблюденіямъ Абани, несчастный бой при Вейсенбургѣ не произвелъ особенно угнетающаго впечатлѣнія на войска Макъ-Магона; но результаты его были весьма тяжелы: этотъ бой послужилъ поводомъ къ сраженію при Вертѣ, а, вслѣдствіе того, парализованъ былъ и сборъ всей французской «рейнской» арміи».

«Макъ-Магонъ долженъ бы былъ убѣдиться (если бы развѣдочная служба исполнялась лучше), что продолженіе борьбы въ Эльзасѣ—огромная ошибка, что мелочная, внешняя французскимъ тщеславіемъ, мысль немедленно загладитъ неудачу тутъ же, не согласовалась, по всей вѣроятности, съ главною цѣлію его операций. 5-го и 6-го августа ему слѣдовало бы отрѣшиться отъ всякаго самолюбія и носѣнно двинуться на западъ, прежде чѣмъ онъ былъ бы побужденъ къ тому дѣйствіями неприятеля... Ни одинъ понимающій свой долгъ генералъ не долженъ подчинять главную стратегическую цѣль личнымъ чувствамъ».

Авторъ указываетъ затѣмъ на географическія особенности страны, сдѣлавшія побѣду при Вейсенбургѣ важнымъ для пруссаковъ приобретеніемъ. Занявъ высоту Гайсбергъ, пруссаки уже 5-го августа гос-

подствовали и надъ шоссе, и надъ желѣзною дорогою въ Гагенау и Страсбургъ. Пересѣченная мѣстность къ югу отъ Вейсенбурга не дозволяла дальнѣйшихъ дѣйствій въ большихъ силахъ. Слѣдовательно, съ потерей этого города, французы утратили свою лучшую оборонительную линію противъ нѣмецкой долины Рейна.

По мнѣнію Абани, послѣ потери Вейсенбурга, отступленіе къ Саверну было бы наиболѣе рациональнымъ и не представляло бы трудностей, а отсюда, воспользовавшись желѣзною дорогою, можно было бы достигнуть главной арміи, такъ что 5-го августа Макъ-Магонъ могъ бы сосредоточить въ Савернѣ наибольшую часть своихъ войскъ, а въ теченіе 8-го числа прибылъ бы къ арміи Базена съ нетронутымъ корпусомъ. Въместо того, онъ положился на неопредѣленные обѣщанія начальника главнаго штаба арміи, «что можетъ рассчитывать на поддержку 5-го корпуса» (Фальи), и послѣ боя при Вейсенбургѣ доносилъ: «я сосредоточиваю свой корпусъ на мѣстѣ».

О сраженіи при Вертѣ или Фрешвиллерѣ авторъ замѣчаетъ, что въ самомъ планѣ этого сраженія, со стороны французовъ, заключалась порядочная безсмыслица. «Если бы Макъ-Магонъ занялъ позицію при Вертѣ для обороны своего отступленія и удерживалъ бы ее для выигрыша времени, то сдѣлалъ бы довольно для удовлетворенія своего тщеславія и требованій минуты; но его упрямство сражаться до послѣдняго разстройства войскъ было безразсудствомъ».

Абани свидѣтельствуетъ еще разъ, что войска Макъ-Магона, несмотря на потери 5-го августа, были проникнуты наилучшимъ духомъ. Массы пѣхоты и артилеріи, перевезенныя по желѣзной дорогѣ, въ ночь на 6-е августа, къ своему корпусу, заявляли желаніе скорѣе вступить въ бой. И начальники, и подчиненные помышляли только о томъ, какъ бы поправить вейсенбургскую неудачу. Вообще, по безпристрастнымъ сужденіямъ, всѣ части исполнили 6-го числа свой долгъ до послѣднихъ предѣловъ; но и при Вертѣ обнаружилось и то пренебреженіе тактическими формами, и то забвеніе первыхъ основныхъ правилъ войны, которыя были замѣчены въ теченіе всей кампаніи.

Какъ ни блистательно, однако, дралась французская армія, поражение ея и разстройство были столь велики, что Макъ-Магонъ нашедся вынужденнымъ отослать часть своихъ войскъ въ депо для новаго снаряженія, а многія части даже удалить изъ арміи, чтобы избавить преобладающую массу молодыхъ солдатъ (которыхъ Паликао, въ виду организационнаго резерва арміи, отослалъ въ Шалонъ) отъ вреднаго вліянія деморализованныхъ старшихъ солдатъ.

Такимъ образомъ, поражение *одной* части арміи повліяло на ходъ *всей* кампаніи. Преувеличенные слухи, чрезмѣрно-высокое мнѣніе о непріятелѣ и умаленіе собственныхъ силъ приобрѣтали все большее и большее значеніе, и пужа была потомъ желѣзная энергія Базена, чтобы встрѣчать подъ Мецомъ атаки прусаковъ съ тою мужественною стойкостью, которую армія считала невозможною вслѣдствіе рейхсгэфенскихъ разсказовъ.

О тактическихъ ошибкахъ въ вѣртскомъ сраженіи авторъ не считаетъ нужнымъ распространяться, потому что, при такой несоизмѣренности въ силахъ, какъ 1:3, о нихъ (т. е. о тактическихъ ошибкахъ) и рѣчи быть не можетъ. «Ни одинъ тактикъ въ мірѣ не въ состояніи уравнивать, между равнозначущими въ цѣломъ войсками, подобную разницу въ силахъ на полѣ сраженія».

Нѣкоторыя явленія въ боѣ при Вѣртѣ показываютъ, что опыты войны 1866 года прошли у французовъ безслѣдно. Ихъ тактическая дѣятельность на полѣ битвы представляла такую же картину, какъ и въ италяпскую кампанію 1859 года, и они употребили ту же манеру, которая послужила тогда къ разбитію австрійцевъ.

Вообще, въ этотъ періодъ войны, ошибки французовъ чрезвычайно благоприятствовали успѣхамъ прусаковъ, не говоря уже о численномъ перевѣсѣ послѣднихъ. Только въ сраженіи при Саарбрюкенѣ, того же 6-го августа, этотъ перевѣсъ не имѣлъ мѣста; напротивъ: двадцать семь прусскихъ баталіоновъ, поддержанные лишь своею дивизионною артилеріей, дрались противъ пятидесяти двухъ французскихъ баталіоновъ съ полною корпусною артилеріей, и, не взирая на затруднительнѣйшія обстоятельства, одержали блистательную побѣду. Непритель былъ выбитъ изъ позиціи, которую считалъ неодолимою.

Абати говоритъ, что впечатлѣніе, произведенное извѣстіями о сраженіяхъ 6-го августа въ Мецѣ и во французской главной квартирѣ, было не описанное. «Безпредѣльное невѣдѣніе силы и плановъ противника, полная верѣшимость относительно собственныхъ измѣреній и плохая развѣдочная служба уже давно породили въ главной квартирѣ то тягостное чувство, которое подготавливаетъ умы начальствующихъ къ великимъ моральнымъ пораженіямъ... Это-то угнетающее чувство «пассивнаго наступленія» парализуетъ всякое пробужденіе силы воли. Если же, въ добавокъ, случатся хотя бы и частныя неудачи, если «предчувствуемое» превращается въ «неотразимое сознаніе», тогда наступаетъ то бѣдственное положеніе главныхъ квартиръ, при которомъ малодушіе и безпорядокъ проявляются еще ярче, чѣмъ въ рядахъ войскъ, ибо войска, при неблагоприятномъ по-

воротѣ военнаго счастья, деморализируются не столько подъ вліяніемъ безпомощности и упадка духа начальниковъ, сколько прирожденнымъ каждому человѣку инстинктомъ самосохраненія».

«Въ такомъ именно положеніи была главная французская квартира. Если бы Наполеонъ рѣшился на инициативу и вторженіемъ въ южную Германію привлечь бы на свою сторону колебавшіяся вспомогательныя государства Пруссіи, то расположеніе его войскъ было само по себѣ не ошибочно. Армія его имѣла хорошую желѣзную дорогу для поперечнаго сообщенія, и, для сокрытія истинныхъ намѣреній, казалось цѣлесообразнымъ оставаться возможно-долго въ этой разбросанной формѣ стратегическаго наступленія. Но почти невѣроятно, чтобы маршалъ Лебефъ не имѣлъ какихъ нибудь свѣдѣній о послѣдовавшемъ уже сосредоточеніи значительной части нѣмецкихъ силъ».

«Нападенія при Вейсенбургѣ и при Вѣртѣ съ одной и при Саарбрюкенѣ съ другой стороны имѣютъ, слѣдовательно, характеръ стратегическихъ печальностей. И потому первую часть кампаніи можно назвать воспрепятствованіемъ стратегическому сосредоточенію французовъ. Всякая успѣшная операція на передовой линіи казалась невозможною и отступленіе къ сторонѣ Шалопы, при невозможнѣйшемъ пользованіи крѣпостями, представлялось неминуемымъ, если не хотѣли дать многочисленному противнику свободнаго доступа къ столицѣ. Необходима была быстрая рѣшимость, чтобы поправить печальныя послѣдствія первыхъ пораженій. Мало того: надлежало отважиться даже на самое крайнее средство — пожертвовать корпусомъ Фросара, отступленіе котораго было сопряжено съ величайшими трудностями, а съ остальными войсками вынудиться изъ опаснаго положенія».

Сцены, разыгравшіяся въ теченіе 6-го, 7-го и 8-го августа въ Мецѣ, даютъ понятіе о томъ, до какой степени французская главная квартира утратила способность къ подобной рѣшимости.

Мецъ, въ эти дни, не могъ противостоятъ атакѣ; вооруженіе верховъ еще не было кончено; вооруженіе форта Сень-Жюльепъ и не пачиналось. Наличные генералы неоднократно собирались въ главной квартирѣ для совѣщаній — и ничего не придумали. Раздоръ между Лебефомъ и большинствомъ прочихъ начальствующихъ лицъ усиливался; императоръ Наполеонъ совсѣмъ потерялъ голову... Слухи за слухами устрашали возбужденное населеніе города... Всѣ генералы, и Базенъ въ особенности, требовали смѣщенія Лебефа. Уже тогда въ рядахъ арміи раздавались голоса, обвинявшіе высшихъ начальниковъ въ измѣнѣ... Новое затрудненіе возникло изъ того обстоятельства,

что никто не соглашался принять на себя управление военными дѣйствіями на поставленныхъ Наполеономъ условіяхъ, т. е. что онъ удержитъ за собою званіе главнокомандующаго и останется при арміи... Вдругъ, утромъ 7-го августа, распространился слухъ, что неприятель приближается къ городу. Главная квартира стала укладываться съ безумною торопливостію; императоръ, со своимъ сыномъ и съ небольшою свитою, бѣжалъ изъ крѣпости на станцію желѣзной дороги, но, по причинѣ суматохи, не могъ получить поѣзда, чтобы удалиться въ Шалонъ... Дворъ принужденъ былъ вернуться въ префектуру чрезъ толпы глухо роптавшаго населенія... Во второй разъ поднялась паника; во второй разъ сдѣлана была попытка къ бѣгству, оказавшаяся, однако, излишнею, вслѣдствіе успокоительныхъ извѣстій.

Наконецъ, вечеромъ того же дня, Наполеонъ и Базенъ пришли къ соглашенію: Лебефъ былъ смѣненъ; генералъ Лебренъ занялъ временно его мѣсто; императоръ передалъ Базену команду надъ 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ армейскими корпусами и гвардіей (Фросаръ, де-Канъ, д'Амиро и Бурбаки) и управление военными операціями. Поводомъ къ тому послужили неодобрительные отзывы печати и голоса изъ Парижа.

9-го августа характеръ французской главной квартиры измѣнился разомъ. Легкомысліе французовъ сдѣлало то, что, до катастрофическихъ дней, на кампанію смотрѣли какъ на увеселительную поѣзду. Въ Мецъ нахлынули многочисленныя туристы изъ Парижа и изъ другихъ городовъ, чтобы, какъ они выражались, участвовать въ военной прогулкѣ въ Германію. Множество двусмысленныхъ дамъ также налетѣли въ Мецъ и, разумѣется, не способствовали серьезному взгляду на войну. Все предавалось пустымъ удовольствіямъ, свѣтскимъ развлеченіямъ. Капитальная слабость французовъ смотрѣть, при предпріятіяхъ всякаго рода, на успѣхъ, а не на средства ведущія къ цѣли, выразилась и здѣсь легкомысленнымъ шовинизмомъ между генералами, офицерами и солдатами... Всему этому настала конецъ. Едва Базенъ вступилъ въ свои права, какъ въ тотъ же день и на слѣдующій отправлены были изъ Меца въ Парижъ два поѣзда, наполненные исключительно дамами полусвѣта; войсколюбивые туристы разлетѣлись какъ стаи блудливыхъ и трусливыхъ воробьевъ; городъ былъ очищенъ отъ ненужныхъ элементовъ; порядокъ восстановленъ въ фронтально-воротное время... Одно это обстоятельство можетъ дать понятіе о желѣзной энергіи Базена.

«Начало паденію Наполеона было положено въ эти дни», говоритъ Абани. «Вынужденный дать Базену обѣщаніе не смѣ-

иниваться въ распоряженія военными дѣйствіями, не имѣть никакого вліянія на планы новаго главнокомандующаго, держаться вдали даже отъ арміи, онъ приготовилъ себѣ такое положеніе, которое отпихнуло дѣла его невозможнымъ для французовъ: онъ сталъ лишнимъ. Поставленный между арміей и раздраженнымъ населеніемъ столицы, не на столько рѣшительный для того, чтобы, возвращаемъ своимъ въ Парижъ, обуздать партію недовольныхъ и образовать собою средоточіе мощной организаціи національной обороны; съ другой стороны, не будучи въ состояніи сохранить свое достоинство по отношеніямъ къ грубому и дерзкому Базену, Наполеонъ погибъ прежде, чѣмъ парижская революція произнесла его низложеніе».

«Въ Парижѣ возбужденное состояніе умовъ было такъ же сильно какъ и въ Мецѣ. Тогда, въ первый разъ, республиканская партія, доселѣ сдерживаемая властію, подняла свою голову. Но регентша еще крѣпко, повидимому, держала въ рукахъ бразды правленія; нигдѣ еще не слышалось того слова, которое должно было выразить общую мысль. Еслибы Наполеонъ возвратился изъ Парижъ, еслибы онъ опять проявилъ здѣсь свою прежнюю твердость и свое богатство средствъ выпутываться изъ затрудненій, то, несомнѣнно, могъ бы вызвать ту готовность къ жертвамъ, которая обнаружилась послѣдствіемъ при менѣе популярномъ временномъ правительствѣ».

Такъ какъ въ это время начались первые возгласы о высылкѣ иѣмцевъ изъ Парижа, и даже изъ всей Франціи, то авторъ останавливается на этомъ вопросѣ.

Подобная мѣра, обуславливаемая народнымъ правомъ, не была примѣняема въ послѣднія двѣсти лѣтъ. Въ войны 1859 и 1866 годовъ, подданные враждовавшихъ государствъ проживали спокойно въ земляхъ непріязненныхъ сторонъ. «Нельзя не сознаться», говоритъ Абани, «что осуществленіе этой мѣры съ ея многочисленными послѣдствіями, было безчеловѣчно: она погубила сотни, тысячи жизней, нанесла величайшій вредъ торговлѣ самой Франціи, ибо только тогда оказалось, какъ много французская промышленность обязана иѣмцовой смѣтливости и иѣмцовой трудолюбію. Тѣмъ не менѣе, безпощадность принятой мѣры должна быть оправдана въ извѣстномъ смыслѣ. Въ Парижѣ жило очень много рабочихъ изъ сѣверной Германіи и имъ грозила неминуемая бѣда отъ ярости необузданной черни, доведенной до высшей степени раздраженія неосторожностію и надменностію иѣмцоторыхъ личностей, принадлежавшихъ къ воюющимъ сторонамъ. Неразъ случалось, что пруссаки, въ трезвомъ и въ пьяномъ видѣ, возсѣдая на крышахъ омнибусовъ или разгуливая по площадямъ,

разражались не столько патриотическими, сколько ругательными воскли-
 цашими, и не разъ зоркая парижская полиція открывала слѣды кон-
 плотовъ, направленныхъ въ пользу нѣмцевъ. Хотя и не доказано,
 однако имѣеть большую степень вѣроятности то, что жившая въ
 Ла-Виллетѣ нѣмецкая колонія была приготовлена прусскими деньгами
 къ диверсіямъ въ тылу непріятели. Позднѣйшимъ предпріятіемъ въ
 ла-виллетскую казарму подтверждается, повидному, это обстоятель-
 ство. Явленія, совершившіяся въ продолженіе осады Парижа съ
 пятью батальонами социалиста Флурана, не уничтожаютъ правдопо-
 добія этой догадки.

Авторъ, какъ очевидецъ, протестуетъ, во имя истины, противъ
 тѣхъ обвиненій и клеветъ, которыя были распространены относи-
 тельно оскорбленій, будто бы претерпѣнныхъ изгнанными нѣмцами.
 Онъ утверждаетъ, что, вообще, правительственныя вѣдомства посту-
 пали съ ними съ величайшею умѣренностію; населеніе же хотя и
 не осыпало нѣмцевъ любезностями, но и не обнаруживало отярытой
 злобы. «Пруссакамъ въ особенности не приходится упрекать францу-
 зовъ въ какомъ-нибудь актѣ неделикатности», прибавляетъ Абани.
 «Ни въ одной арміи въ мірѣ военные законы не проводятся въ такой
 степени до крайняго предѣла, дозволяемаго народнымъ правомъ, какъ
 въ пруской. Объективный наблюдатель обязанъ засвидѣтельствовать,
 что въ этой войнѣ, до того періода, когда она приняла характеръ
 войны народной, французы заявили себя болѣе умѣренными».

Возвращаясь къ описанію военныхъ дѣйствій, авторъ подтверж-
 даетъ фактами, до какой степени въ императорской главной квартирѣ
 потеряли голову. Это обнаружилось особенно ярко въ реляціяхъ.
 Почти всѣ онѣ были безсодержательны, обнаруживали полное невѣ-
 дѣніе хода событій, неполученіе никакихъ извѣстій. Народъ, обитый
 съ толку опубликованными депешами, уже видѣлъ все, безъ исклю-
 ченія, французскіе корпуса или уничтоженными, или разбитыми въ
 копецъ. Напримѣръ, почти вслѣдъ за неясною и неполною депешою
 начальника главнаго штаба отъ 7-го августа, въ пять часовъ утра,
 прислана была другая депеша, оканчивавшаяся слѣдующими словами:

«Мы имѣемъ лишь весьма поверхностныя свѣдѣнія. Говорятъ,
 что происходили многія кавалерійскія атаки, но у пруссаковъ есть
 картечницы, причинившія намъ весьма много вреда».

«Наполеонъ».

Послѣднія строки этой депешы, по своей неосновательности и,
 тамъ связать, воинскому дилетантизму, безпримѣрны въ документѣ,

подписанномъ главнокомандующимъ, и, притомъ, представителемъ го-
 сударственной власти!...

Корпусъ Макъ-Магона былъ разбитъ па-голову; корпусъ Фросара
 неспѣшно отступалъ: неужели до 7-го августа не удалось доставить
 въ главную квартиру подробностей о столь многознаменательномъ со-
 бытіи?... Мало того: въ половинѣ девятаго утра, того же дня,
 была обнародована новая депеша императора, которая опять заключа-
 ла въ себѣ только увѣреніе, что ничего неизвѣстно... Въ три чет-
 верти девятаго появилось донесеніе начальника главнаго штаба, какъ
 бы умышленно предназначенное окончательно поставить въ тупикъ
 обывателей столицы. Въ этомъ документѣ было сказано: «Для того,
 чтобы намъ здѣсь удержаться, необходимо, чтобы Парижъ и Франція
 условились между собою осуществить величайшія усилія патриотизма.
 Мы здѣсь не потеряли ни хладнопроявія, ни увѣренности. Но испы-
 таніе тяжело. Макъ-Магонъ, послѣ сраженія при Рейхсгофенѣ, от-
 ступилъ, прикрывъ дорогу въ Нанси... Корпусъ Фросара пострадалъ
 много... Приняты энергическія мѣры къ обороцѣ. Начальникъ глав-
 наго штаба отиравился на аванпосты».

Все эти донесенія и депешы, очевидно, были писаны подъ влія-
 ніемъ постепенно получавшихся извѣстій. «Если бы прусское пред-
 пріятіе, заключившееся двумя сраженіями 6-го августа, не являлось,
 уже по стратегическимъ причинамъ, стратегическимъ нападѣніемъ
 праспдохъ, то такой характеръ обнаружился бы изъ господствовавша-
 го въ главной французской квартирѣ настроенія. Только тотъ и те-
 ряетъ здравый смыслъ до подобной степени, кто жестоко разстроены
 въ своихъ предначертаніяхъ».

Представляется вопросъ: каково было бы положеніе пруссаковъ,
 если бы во французской главной квартирѣ, узнавъ о событіяхъ 4-го
 августа, рѣшились быстро двинуть на помощь корпусу Фросара,
 форсированными маршами, сосредоточенные подъ Меномъ три кор-
 пуса, а находившіяся близъ Бича корпусъ Фальдъ притянуть къ Саар-
 брюкену? Въ такомъ случаѣ были бы употреблены до 170,000 чело-
 вѣкъ противъ центра (pivot) прусскаго наступательнаго движенія и,
 при превосходной саарбрюкенской позиціи, первая армія и третій кор-
 пусъ едва-ли избѣгли бы пораженія.

Этотъ случай былъ предусмотрѣнъ въ прусскихъ операціяхъ. Фран-
 цузы, преслѣдуя побѣду, наткнулись бы на узловую пунктъ Нейкир-
 хопъ, и тогда было бы возможно, 8-го числа утра, противопоста-
 вить тамъ атакующимъ шесть корпусовъ и четыре кавалерійскія ди-

визии — такой материальный перевѣсъ, который вполнѣ уравновѣсилъ бы моральное дѣйствіе успѣха, одержаннаго тремя корпусами.

Авторъ обращаетъ вниманіе на то, что первая прусская армія, занимая 8-го августа свои позиціи между Форбахомъ и Саарбрюккеномъ, послала свою кавалерію на отдаленныя рекогносцировки чрезъ Сентъ-Авольдъ къ Мецу, такъ что эти движенія, при распространенныхъ патруляхъ, послужили поводомъ къ слуху, будто пруссаки вступили, со своими главными силами, въ Сентъ-Авольдъ... Вообще, какъ въ этотъ, такъ и въ позднѣйшіе періоды войны, пруссаки держались правила: высылать кавалерійскіе отряды на весьма значительныя разстоянія для того, чтобы, посредствомъ летучихъ разъѣздовъ и даже командъ, не только поддерживать съ величайшею точностію развѣдочную службу, но и производить то моральное впечатлѣніе, которое исходило изъ мнимой вездесущности нѣмецкой кавалеріи. Не слѣдуетъ забывать, что о вступленіи каждаго патруля въ каждый городъ или въ каждую большую деревню было телеграфируемо мѣстными властями префектамъ департамента, а тѣ, не удостоверившись въ сущности извѣстія, посылали телеграммы въ Парижъ, гдѣ онѣ, будучи обнародованы, распространяли несравненно большій страхъ, нежели движеніе какаго-нибудь патруля чрезъ ту или другую населенную мѣстность. Страхъ естественно усиливался по мѣрѣ приближенія непріятельскихъ армій къ Парижу, и притомъ въ такой степени, что однажды разнесся слухъ, будто прусскіе уланы ворвались въ Парижъ... Слуху повѣрили—это было 10-го сентября—и на бульварахъ погнались за пѣсколькими быстро-ѣхавшими французскими кавалеристами, которыхъ не распознали въ темнотѣ... Вотъ до чего была возбуждена фантазія французовъ предприимчивостію, подвижностію и искусными дѣйствіями прусской кавалеріи!... Послѣ сраженія при Седанѣ, одинъ прусскій драгунъ, завернувшись во французскій военный плащъ, присоединился къ отступавшему корпусу Винуа, достигъ съ нимъ до Парижа и только здѣсь былъ узнавъ. Хотѣли этотъ смѣльчакъ отличить на славу въ отпращеніи развѣдочной службы, или онъ увлекся страстію къ молодечеству, но такая выходка была не единичнымъ явленіемъ: въ рядахъ прусской кавалеріи случались предпріятія, далеко ее превосходившія.

Извѣстно, что когда, 10-го августа, маршалъ Базенъ принялъ главное начальство надъ «мозельскою арміею» (корпуса 3-й, 4-й, 2-й, 6-й и гвардейскій), сила которой доходила до 200,000 человекъ, то послѣднимъ отнеси ее въ сильную позицію между Ганомъ и Курселемъ на французскомъ Нидѣ, въ полторѣ мил (10/2

верстѣ) отъ Меца. Мѣру эту Абани объясняетъ слѣдующими соображеніями: «Различныя причины побуждали Базена расположить здѣсь свои войска. Во-первыхъ, надлежало удалить массы войскъ изъ Меца и его окрестностей, чтобы приступить съ большимъ порядкомъ и спокойствіемъ къ оборотѣ; во-вторыхъ, Базенъ думалъ, сдѣлавъ одинъ переходъ впередъ, облегчить тѣмъ соединеніе корпуса Фальпъ съ главными силами; въ-третьихъ, форты праваго берега Мозеля были еще отчасти въ такомъ положеніи, что не могли поддержать бой въ линіи фортовъ. Наконецъ, энергическому маршалу казалось полезнымъ поднять упавшій духъ войскъ наступательнымъ движеніемъ... Позиція на Нидѣ прикрывала какъ главную дорогу изъ Сентъ-Авольда въ Мецъ, такъ и сообщенія между Саленомъ и Фолькмонемъ. Несмотря на отсутствіе достаточныхъ фланговыхъ опорныхъ точекъ, она могла быть удержана безъ всякой опасности, потому что многочисленныя, ведущія къ крѣпости, сообщенія позволяли отступить во всякое время».

О первыхъ прусскихъ операціяхъ этого періода войны авторъ замѣчаетъ, что главная ихъ задача была рѣшена: первая и вторая армія соединились не только въ стратегическомъ, но и въ тактическомъ смыслѣ, и, охвативъ расположеніе французовъ, были готовы къ атакѣ. Третья армія, совершенно парализовавъ и отрѣзавъ отъ славныхъ силъ французовъ важную ихъ часть, прикрыла тылъ главной арміи отъ какаго-либо предпріятія съ юга, между тѣмъ какъ въ операціонномъ направленіи на западъ, мимо Меца къ югу, не предстояло никакихъ дальнѣйшихъ препятствій. Плодоносная территория Мозеля была открыта для вторженія, а съ нею открывалось и движеніе къ Парижу. Всѣ послѣдующія дѣйствія были подчинены одной цѣли и руководимы однимъ желаніемъ—достигнуть, по возможности, скорѣе Парижа. Эту цѣль преслѣдовала все та же армія кронпринца.

«Кровопрлитныя сраженія подъ Мецомъ», говорятъ авторъ, «получаютъ, вслѣдствіе этого, такъ сказать, второстепенное значеніе: они должны были уничтожить ту преграду, которую представляло усиленное пассивными средствами фланговое расположеніе французской арміи. Между тѣмъ, лучше чѣмъ когда-либо нѣмцы знали, что именно первый оплотъ, противопоставленный французами атакѣ, былъ недостаточенъ. Надлежало ожидать, что французскій главнокомандующій будетъ стараться выйти со своими главными силами изъ того опаснаго положенія, которое сопряжено съ фланговою позиціей, если фронтъ не защищенъ, и соединиться съ высланными резервами и

со вторымъ и пятымъ корпусами, въ Шалонѣ, напримѣръ. Вѣроятно, эти соображенія и были причиною перенесенія главной квартиры второй нѣмецкой арміи въ Польтъ-а-Муссонъ; потому что какъ ни странно, можетъ вазаться это перенесеніе въ техническомъ смыслѣ, то есть относительно удаленія отъ наибольшаго числа войскъ, но оно свидѣтельствуетъ о совершенно ясномъ пониманіи важности условія дѣйствовать на отступательную линію французской мозельской арміи, угрожать сообщеніямъ между Мецомъ и Верденомъ, отрѣзать ихъ и тѣмъ замедлить или остановить сосредоточеніе противника въ тылу.

Въ то время, когда обложеніе Меца потребовало тяжелыхъ жертвъ, неоднократно высказывалось мнѣніе, не лучше ли было бы дать свободный пропускъ мозельской арміи и атаковать ее въ открытомъ полѣ или при Шалонѣ, или на маршѣ ея между Мецомъ и Верденомъ. Авторъ полагаетъ, что, для рѣшенія этого вопроса, надлежало бы прежде знать, имѣлъ-ли Базенъ въ виду оставить Мецъ. Мѣры, принятыя имъ 16-го и 18-го августа, и даже въ продолженіе самыхъ битвъ; увѣренность, что еще 12-го числа онъ могъ отступить безпрепятственно; намѣреніе его послать шестой корпусъ въ Мецъ; снабженіе Меца продовольствіемъ свыше мѣры потребности обыкновеннаго гарнизона; наконецъ, принятіе во вниманіе эгонистическаго характера марша, который, подъ защитою рѣки, могъ считать себя безопаснымъ отъ пораженія—все это, несмотря на сочиненную въ Вильгельмсгее, въ ноябрѣ 1870 года, записку, показываетъ, что въ Базенѣ преобладала невыраженная, быть можетъ, ясно мысль уклониться отъ неуѣтнаго вліянія Наполеона и спокойно ожидать предпріятій арміи Макъ-Магона.

«Если Базенъ, дѣйствительно, рѣшился остаться въ Мецѣ, то это можно было бы назвать мѣрою благоразумною. Армія его, не подававшая большихъ надеждъ отъ укомплектованія ея вновь сформированными войсками въ качественномъ отношеніи, очень нуждалась, при своей малочисленности (сравнительно съ арміей противника), въ усиленіи пассивными средствами. Съ другой стороны, пруссаки сдѣлали ошибку, если они, по ихъ словамъ, принудили мозельскую армію къ неподвижности: они поставили непріятеля именно въ то положеніе, которое его усиливало и ослабляло ихъ дѣйствующія силы... По самой сущности дѣла, французская вспомогательная армія, двигаясь въ цѣлесообразномъ направленіи, напримѣръ къ югу отъ Шалона, извлекала бы изъ фланговой позиціи подъ Мецомъ большія выгоды, даже сдѣлала бы ее полезною для своего главнокомандующаго».

Остановку Базена объясняютъ еще тѣмъ, что онъ хотѣлъ выиграть время для оборонительныхъ приготовленій въ Парижѣ.

Медленное, осторожное наступленіе прусавовъ дастъ Абани поводъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ.

«Было-ли бы безразсудною смѣлостію» — спрашиваетъ онъ — «послѣ извѣстнаго положенія дѣлъ у французовъ, совершить безостановочно девять переходовъ, отдѣлявшихъ армію кронпринца отъ Шалона, такъ какъ на правомъ флангѣ она вполне была защищена первою и второю арміями, а изъ лагерьскаго лагеря давно были выведены войска въ Шалонъ? Перевѣсъ былъ бы сохраненъ во всякомъ случаѣ, потому что значило бы иѣбивать слишкомъ низко нѣмецкія арміи, если бы признать недостаточною силу соединенныхъ первой и второй армій предъ арміей мозельской... Если бы эта операція была исполнена, то 20-го августа кронпринцъ достигъ бы Шалона, въ тотъ день, когда организація арміи Макъ-Магона еще не была кончена. Моральное же дѣйствіе безостановочнаго движенія впередъ повело бы къ большому еще смущенію французовъ, такъ что уже однимъ этимъ пруссаки обезпечили бы за собою огромный перевѣсъ. Макъ-Магонъ, въ моментъ положенія оружія подъ Седаномъ, имѣлъ 120,000 человекъ, а 20-го августа у него было около 100,000, тогда какъ кронпринцъ располагалъ, по наименьшей мѣрѣ, болѣе 200,000 человекъ. Если не пользуются подобными шансами, то это признакъ большой осторожности. Но здѣсь осторожность повела къ тому, что, несмотря на великіе тактическіе результаты, стратегическіе оказались крайне умѣренными. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда не менѣе 180,000 человекъ положили оружіе и отведены были въ плѣнъ, борьба на всей операціонной линіи долго еще нигдѣ не была рѣшена вполне; напротивъ, успѣла разгорѣться война народная, и Франція, преодолевъ смуты, сопряженныя съ перемѣною правленія, возобновила сопротивленіе тогда, когда, по всѣмъ правиламъ теоріи, война могла считаться конченною.

Высказавъ всѣ эти соображенія, авторъ допускаетъ «правдоподобную», по его мнѣнію, догадку, что неудовлетворительныя, въ цѣломъ, войска Макъ-Магона были бы разбиты 22-го августа, а 27-го августа головныя части второй нѣмецкой арміи могли бы стоять предъ Парижемъ, «который безъ боя отворилъ бы ворота», прибавляетъ Абани, какъ очевидецъ, хорошо знавшій тогдашній дѣла въ столицѣ Франціи.

«Если, въ 1814 году, Блюхеръ, при подобныхъ условіяхъ и дѣйствіяхъ, встрѣчалъ неоднократныя препятствія, то этотъ примѣръ не долженъ былъ пугать: тогда отважный Блюхеръ дрался съ ге-

ніяльнымъ Наполеономъ I; тогда наступательное движеніе двухсоттысячной арміи, предводимой Шварценбергомъ, замедлялось только вслѣдствіе получаемыхъ извѣстій, что Наполеонъ готовъ былъ встрѣтить ее съ какою-нибудь силою.... И потому, если французы, въ теченіе войны, утверждали, что прусаки дѣйствовали рѣшительно только тогда, когда были увѣрены въ двойномъ, по крайней мѣрѣ, численномъ перевѣсѣ, то высказанными выше соображеніями это подтверждается вполне».

Окончивъ стратегическій обзоръ, авторъ переходитъ къ сраженіямъ подъ Мецомъ, которыя, по огромнымъ потерямъ съ обѣихъ сторонъ и по доблестямъ войскъ, могутъ быть названы важнѣйшими во всей, веденной французскою арміей, войнѣ. Но предварительно онъ освѣщаетъ два пункта: во первыхъ, организаторское положеніе и мѣры, принятія, въ этомъ отношеніи, новымъ французскимъ министерствомъ; во-вторыхъ, мѣстность, гдѣ разыгрались кровопролитныя побоища. Затѣмъ Абани описываетъ самую крѣпость Мець, въ томъ видѣ, въ какомъ она была, по его наблюденіямъ, съ 9-го по 14-е августа.

(Продолженіе будетъ.)